



# ЗАПРЕТНАЯ АЛХИМИЯ

СТЕЙСИ МАКЬЮЭН



# Стейси Макьюэн

## Запретная алхимия

Серия «Запретная алхимия», книга 1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=74024652](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74024652)  
Запретная алхимия. Том 1: РОСМЭН; Москва; 2026  
ISBN 978-5-353-12037-7*

### Аннотация

Первая книга серии.

Нина и Патрик познакомились, когда были детьми. Их объединил секрет: магами не рождаются. Только правительство решает, кто достоин иметь дар. Судьба разлучила их. Но спустя много лет они встретились... как враги. Теперь она – живое оружие магов, узурпировавших власть. Он – лидер восстания, мечтающий разрушить систему до основания. Их объединит сделка: он даст ей свободу от тех, кто ее использует, – в обмен на помощь повстанцам. Но у Нины – свой план. У Патрика – свои секреты. И чем дольше они играют в эту игру, тем яснее одно: правда разрушит все. Потому что любовь во время революции – это не подарок судьбы. Это приговор.

# Содержание

Пролог	6
Глава 1	12
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	61
Глава 7	65
Глава 8	75
Глава 9	84
Глава 10	102
Глава 11	113
Глава 12	124
Глава 13	130
Глава 14	146
Глава 15	155
Глава 16	181
Конец ознакомительного фрагмента.	185



# Стейси Макьюэн

## Запретная алхимия. Том 1

*Посвящается моим детям, Зои и Дину.  
Вы сами выберете свою магию*

Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, курение, употребление алкогольных напитков и наркотических веществ. Курение, употребление алкоголя и наркотических веществ вредит вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

© Copyright © 2025 by Stacey McEwan

© ООО «РОСМЭН», 2026

# Пролог

Меня назвали в честь мертвой канарейки.

Так уж вышло, что я родилась в тот самый день, когда обрушилась соседняя шахта. Эта катастрофа стала одной из крупнейших за всю историю континента Белавер Тренч. Все сто четыре человека, работавшие тогда в туннелях, были погребены заживо.

Все, кроме одного. Моего отца. Он чудом выбрался из клубящегося облака пыли, сжимая в руке бездыханную птичку.

Отец любил рассказывать эту историю всякий раз, когда виски придавал ему смелости, а случалось это нередко.

– Слышу, эта тварь пернатая брякнулась с жердочки, зуб даю! Она ж, зараза, постоянно горланила, понимаешь? Ни на миг не умолкала. Я ее в честь той певички назвал, ну, знаешь? И вот как только она заткнулась, я сразу понял: что-то не так. А в следующий миг все вокруг к такой-то матери начало рушиться. Еле выбрался! – Тут Флетчер Хэрроу делал мне знак рукой. – Вернулся домой, а у меня девочка родилась! Судьба, понимаешь? Господь придушил ту канарейку, чтобы я своими глазами Нину увидел!

В этот момент он обычно улыбался, вспоминая меня, новорожденную, но тут же на ум ему приходили те сто три погибших шахтера, и лицо его мрачнело. Мрачность сменялась

злойбой. А злоба требовала еще виски.

– Проклятые шахты, – бормотал он. – Проклятые франты в своих расфуфыренных нарядах.

И, словно слова его были пропитаны горючим, другие ремесленники, кем бы они ни были по профессии, тут же подхватывали их, раздувая пламя ярости.

Они вцеплялись в свои кружки и вместе проклинали горькую судьбу. Сначала винили главу Дома, потом всех лордов, а за ними и всех искусников – за то, что тем в жизни повезло.

В мире было лишь два типа людей, и я это усвоила еще до того, как научилась говорить.

Были такие, как мой отец, – честные трудяги. Ремесленники, которым платили гроши за бесконечные дни в шахтах, на заводах и фермах.

А были искусники – везунчики. Высокомерные щеголи из высшего общества с их магией.

– Это кто еще решил, что они стоят больше нашего, а? – поддакивал какой-нибудь пьянчуга.

– Расселись в своих особняках, с дворецкими и прочим дерьмом.

– Шлюхи божьи, – вставлял кто-то еще. – Попадись мне сейчас Идия, я бы ей голыми руками шею свернул.

Но Святая Идия, должно быть, взирала на них свысока и лишь посмеивалась. Искусники жили за много миль отсюда, в Белавер-Сити. А этим бедолагам-ремесленникам свою судьбу было не изменить.

Их участь была решена еще в детстве, когда их сажали в поезд до этого дивного города, заставляли молиться Идии и глотать раствор, который и определял, есть ли в них хоть капля магии. Или же от них будет больше проку на другом конце континента, где им суждено в поте лица гнуть спину, стонать от непосильного труда, а порой и быть погребенными заживо.

Рано или поздно кто-нибудь начинал говорить слишком дерзкие вещи или швырял стакан о стену; тогда стражники выволакивали его наружу и бросали в каталажку на ночь-другую. Этим их бунтарство и ограничивалось. Драться здесь можно было только друг с другом.

Да и кто осмелился бы поднять руку на искусников, в чьих жилах текла магия? Уж точно не эта жалкая компашка.

Сидя на своем высоком табурете, я усмехалась, представляя, как эти напыщенные болваны, шатаясь, бредут на разборку с искусником в синей мантии с гербом Белавера. У них не было бы ни единого шанса.

– Нина, – сказал отец, только сейчас вспомнив о моем присутствии. – Ступай домой. Скажи матери, пусть разогреет ужин. Я скоро буду.

Мамы не было дома. Уже несколько лет как. Но виски – та еще магия. Мне оставалось только кивнуть.

Я бежала босиком по грязным улочкам, перепрыгивая через зловонные сточные канавы и россыпи угольной пыли. Не останавливалась, пока не оказалась за дверью нашей двух-

комнатной каморки. Выдохнув смрад Скарри, я с дрожащими руками направилась к закутку писаря.

Обычно закуток писаря – это письменный стол, заваленный стопками пергамента. Искусники-писари были основой всей связи в Белавер Тренч. Земле искусников, пронизанной магией, не нужны были ни лодки, ни птицы для передачи вестей, когда писари могли одной лишь силой мысли выводить слова на пергаменте, что находился от них за многие мили.

С письмом от писаря был связан особый звук. Пергамент в ящике слегка сминаясь, издавая тихий шорох, от которого замирало сердце. Кто послал его? Какие новости несут чернила?

«Мама, – думала я. – На этот раз точно от мамы».

Но это была не она, никогда не она.

Наш закуток писаря был не столько рабочим местом, сколько щелью между котлом и верстаком. А вместо столешницы – старая разделочная колода, подпертая табуретом. Стопка пергамента, лежащая в ожидании, уже начала загибаться по углам.

Мне весь день не терпелось присесть у него, и вовсе не потому, что я ждала вестей от матери. Я повзрослела. С тех пор как я плакала по ней, прошло много времени. Нет, этой ночью я ждала куда более важного письма.

Я представляла, как каждый двенадцатилетний ребенок сейчас сидит так же, как и я, склонившись над пергаментом в ожидании, пока писарь за сотни миль отсюда выведет по

порядку их имена и адреса.

Снова и снова я уверяла себя, что пергамент шевелится, что на нем проступает чернильное пятно, но шли часы, а лист упрямо оставался чистым.

В полночь пробили башенные часы, и в этот момент отец, спотыкаясь, ввалился в дверь и рухнул лицом вниз на свою койку.

Ни чернил. Ни строк.

Но я осталась сидеть у котла, закутавшись в одеяло и не смыкая глаз. И вот в предрассветной тишине я услышала тот самый шорох. Пергамент затрещал, словно пробуждаясь ото сна. Я вскочила. Слова рождались из ничего.

## **ПО УКАЗУ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА БЕЛАВЕР ТРЕНЧ**

*Доводится до сведения мисс Нины Хэрроу,  
проживающей по адресу:*

*город Скарри, улица Кобблер-и-Брум, ряд 5, дом 348.*

23 сентября 1892 года все дети, рожденные двенадцатью годами ранее, призываются в Белавер-Сити и в Национальный Дом Искусников на 535-ю Церемонию Отбора, согласно нижеприведенным статьям 2, 3, 6 и 18 Национальной конституции Белавер Тренч.

Да здравствует Белавер.

## 2. Идиум Квантум

Для пробуждения врожденных магических способностей дети мужского пола по достижении двенадцати лет обязуются принять одну унцию раствора идиума. Результат испытания определяет правовой статус магии испытуемого, после чего ему будет необратимо присвоен статус Искусника или Ремесленника.

## 3. Идиум Квота

Гражданин с официальным статусом «Искусник» имеет право на получение одной унции разбавленного идиума дважды в год.

## 6. Образование

Каждому ребенку будет предложена утвержденная учебная программа. Признанные искусниками будут зачислены в Национальную Школу в Белавере. Признанные Ремесленниками будут получать дальнейшее образование по усмотрению своих опекунов.

18. Начиная с 469-го года проведения Церемонии Отбора дети женского пола по достижении двенадцати лет также имеют право принять одну унцию раствора идиума. Результат испытания определяет правовой статус магии испытуемой.

# Глава 1

## Нина



В конце сентября я села в поезд.

Труба локомотива оставляла за нами густые клубы дыма, пачкая окна вагона, и я подумала, не тянется ли этот дым за нами от самого дома. Я прижалась носом к стеклу и вгляделась в далекий силуэт Скарри, на прощание показала городу средний палец и отвернулась от него навсегда.

Вагон был до отказа набит детьми: всем, как и мне, по двенадцать лет, в заношенных чулках, с ресницами в саже и с кашей в голове, надо полагать. По проходу, борясь с инерцией, протискивались сопровождающие дамы в длинных шерстяных юбках и с лоснящимися от пота лицами. Одна из них, перегнувшись через сиденье, поправила кружевной ворот-

ничок на моей блузке, даже не взглянув мне в лицо.

Они безрезультатно кричали на тех, кто свешивался с сидений, на мальчишек, посмевавших снять шапки, на девчонок, задравших платя выше колен. «Сядь ровно! Вытри нос! Опустит рукава!» Но их мольбы тонули в общем гвалте. Дети Скарри галдели и скандалили.

Нас переполняло предвкушение приключений. Мы неслись навстречу чему-то новому. Огромному, пугающему и головокружительно возможному.

Возможному.

Я уцепилась за это слово. Меня не захлестнул тот же дикий восторг, что и остальных. Я сидела тихо и не двигаясь, вцепившись в пачку кое-как скрепленных между собой пергаментных листов, испещренных набросками портретов и зарисовками растений.

Я смотрела прямо перед собой, но видела лишь то, что рисовало мне воображение: белые мраморные стены, чистый холст. Накрахмаленные белые блузы и перепачканные фартуки, пропитанные запахами краски, глины и угля. Перед моим мысленным взором раскинулся пейзаж с бесконечными крышами, где церковные шпили и колокольни устремлялись так высоко, что с них, казалось, можно было увидеть весь континент.

Вскоре картины сменились снами. Хаос в вагоне то нарастал, то стихал. Паровой котел кашлял. Пол дрожал под ногами. Нас уносило все дальше и дальше от всего, что мы знали.

За всю дорогу до столицы я ни разу не вспомнила о доме.

Были лишь сны о ярко-алой крови, что превращалась в иссиня-черную.



## Глава 2

### Патрик



Севернее от Скарри уже другой поезд с хрипящим свистом прибыл на станцию Кентон-Хилл. Мальчик по имени Патрик Колсон сел в свой вагон и вытер потные от волнения руки о сиденье. Он помахал брату и матери и мысленно пообещал, что завтра вернется домой.

Когда поезд с грохотом тронулся, Патрик вздохнул и вжался спиной в деревянную скамью. До боли впившись пальцами в бедра, он тихонько выругался.

Ему казалось, что ощущения от ускользящего все дальше дома были похожи на медленную ампутацию. Зародившийся еще за завтраком ужас тихонько зашевелился внутри.

Тем временем прощальный гудок поезда перебил стук колес. Он до странного походил на сигнал, извещающий о конце смены в шахтах. Его брат и отец всегда заступали во вто-

рую смену, никогда в первую. Когда завтра Патрик вернется в Кентон-Хилл, он присоединится к своей семье.

В крови, унаследованной им от отца, а тем от отца его отца, поколениями оседала копоть. И вся эта поездка на поезде казалась Патрику абсолютно бессмысленной затеей. Искусники в столице не сказали бы ничего нового о его будущем. Что ему действительно было нужно, так это вернуться к матери. В их дом из черного кирпича с эркерными окнами, низкими потолками и, казалось, сжимающимися вокруг стенами. В холмы, заросшие желтой пожухшей травой. Вернуться к мельницам, каналам и вездесущим гигантским дырам в земле, день ото дня поглощавшим и отпускавшим после смены сотни шахтеров. Каждое утро Патрику приходилось дожидаться гудка с ночной вахты, только так он мог застать отца и брата и убедиться, что в очередной раз шахта их отпустила. Ему нужно быть дома в том случае, если – не дай Бог! – возвращаться будет уже некому.

Мысли Патрика беспокойно роились, а по всему континенту, в десятках самых разных шахтерских городков звучал гудок о конце смены. В направлении столицы по рельсам грохотали бесчисленные поезда.

Патрику, как и Нине из Скарри, не было дела до возбужденных детей вокруг. Тем не менее уснуть ему так и не удалось. Он украдкой вытер текущие по щекам слезы и постарался подавить порожденную гневом тяжесть и тошноту. Вздернув подбородок, мальчик уставился прямо вперед.

Патрик бросал вызов проклятым искусникам, пусть только попробуют забрать его в их гребаную Школу.

Им уже принадлежал весь мир.

Но его они не получают.



# Глава 3

## Нина



Проводники повели нас пешком к самому сердцу Белавер Тренч. И тут меня вдруг охватил ледяной страх: я почувствовала себя крошечной пылинкой на разворачивающейся передо мной бескрайней карте мира.

Мне всегда было тесно в Скарри. Даже в детстве, когда все вокруг кажется огромным, наш городок был для меня слишком мал. Ма всегда говорила, что моему воображению необходимо пространство. «Такие девочки, как мы, – повторяла она, – рождены для большего, понимаешь?»

О, я понимала. И даже то, о чем она молчала. Поняла, когда за ней хлопнула дверь. Поняла, когда отец плакал по ночам, а соседи судачили, куда же она сбежала.

Наверное, теперь она была в таком же месте – огромном, поражающем воображение. Ну или горела в аду. Впрочем, мне было все равно.

Белавер-Сити – магнит для мечтателей и изобретателей. Город творцов и художников. Город, где рождается само созидание, и вот я – в самом его сердце.

Я стащила у дяди «Антологию Белавера» и изучила все чертежи, схемы и фрески. Сколько себя помню, я донимала отца вопросами: «А котельную придумали искусники или ремесленники? А подъемники в шахте? А конвейеры? Неужели конвейеры – тоже их рук дело?» Мне казалось важным докопаться до самой сути. Городки на окраинах были лишь закупоренными артериями, ведущими к этому сердцу.

Никогда прежде я не видела таких высоких, тесно стоящих зданий. Дома – один к одному: красная черепица, ослепительно-белые фасады. Дверные проемы обрамляли арки и ниши, крутые ступени вели к выложенным плиткой площадкам. Девочка впереди ахнула, указывая на видневшийся вдали золоченый купол. На самом верху смутно угадывался силуэт человека, а перед ним золотая филигрань на куполе плавилась и менялась, сплетаясь в новые узоры. С окон и балконов каскадами свисали цветущие лианы. На водостоках чистили перья толстые голуби. Мимо сами по себе, без всякого погонщика, катились груженные углем вагонетки.

По улицам плыли женщины в пышных юбках, спешили мужчины в галстуках и пальто. Завидев нашу процессию,

они оборачивались и понимающе улыбались. Малыши дергали матерей за подолы, хныча, что им еще так долго ждать своего двенадцатилетия.

Какой-то мужчина сжал кулак и дунул в щель между пальцами. Внутри вспыхнул огонек. Мужчина раскрыл ладонь, огонек выпорхнул, рассыпался на искры и взмыл вверх, словно стайка голубей. Искры взлетели и зажгли уличные фонари.

– Чародей огня, – прошептал кто-то рядом.

По всему городу бежала вдоль улиц по узким желобкам, не шире ведра, чистая вода. Жителям стоило выйти за порог, чтобы набрать ее. Интересно, сколько чародеев воды трудится, чтобы поддерживать эту систему?

Были здесь и ремесленники, которых легко было узнать: их повозки не двигались сами, их приходилось толкать. Одежда у работяг была попроще, на лбах блестел пот. Похоже, даже городу, процветающему благодаря гению искусников, не обойтись без черной работы. Тем более что ремесленники обладали тем, чего не было у искусников, – недюжинной силой и выносливостью.

Мы шли и шли, а я вертела головой, не в силах насмотреться. Все эти гравюры и чертежи из книг, все описания оживали у меня на глазах. Все вокруг сияло чистотой. Никаких покосившихся ставен, никаких луж в переулках. Только безупречные линии и строгая красота.

Впереди возвышался Национальный Дом Искусников.

Его мраморные колонны напоминали античные руины – я читала, что именно ими и вдохновлялся архитектор.

Поток детей свернул с мощеных улочек в просторный задний двор. Он был не таким парадным, и я невольно нахмурилась. Каменные стены покрывал известковый налет, под ногами – утоптанная земля вместо брусчатки. Даже аккуратных живых изгородей, украшавших фасад, тут не было.

Я вдохнула полной грудью. В воздухе смешалась тысяча запахов, знакомых и незнакомых: кофе, керосин, свежая выпечка, табак, конский навоз. С улицы доносился городской гул: звон колоколов, грохот повозок, многоголосый гомон. И мое нетерпеливое предвкушение вернулось. Возможности. Вот чем был пропитан этот воздух, вот что таяло на языке.

Что бы там ни думал отец, у меня был шанс поступить в Школу Искусников. Учителя в Скарри не раз говорили, что у меня удивительные способности к искусствам. «Природный дар» – так они это называли. Если меня не примут в Школу Искусников, я все равно найду способ остаться здесь, среди этих тесно стоящих домов и извилистых улочек. Если я не смогу творить магию сама, то буду жить там, где она повсюду. Это всяко лучше, чем Скарри. На обратный поезд я не сяду.

Толпа все прибывала, дети напирала, и вот нас уже оттеснили к самому краю двора. Когда казалось, что сюда не втиснется и мышь, подоспела новая волна, подгоняемая криками проводников. Мы жались друг к другу, как скот на бойне,

нервно переминаясь с ноги на ногу. Запах такого количества тел вскоре стал невыносимым.

Наконец из Национального Дома Искусников вышел человек в темно-синем костюме с лацканами и поднялся на ступени. В руке он держал блестящий медный микрофон. Тот взвизгнул, когда он нажал кнопку, и море двенадцатилеток затихло.

– Доброе утро, – начал мужчина.

У него были мелкие зубы, тонкие губы, нос картошкой, толстые щеки и редкие волосы, прилипшие ко лбу. Плакаты с его изображением висели во всех тавернах Скарри. Шахтеры первой смены по вечерам металы в них дротики.

– Добро пожаловать в Национальный Дом Искусников, дети, – сказал лорд Таннер, глава Дома. Раздались жиденькие, неловкие хлопки.

Еще одна картинка ожила в памяти. Сам лорд Таннер! Я просияла. Подумать только! И какое удивительное изобретение – так усиливать голос!

Я была не одинока в своем восторге. Девочка рядом неволью потянула меня за рукав и встала на цыпочки, чтобы лучше его разглядеть, а другая прижала ладони ко рту. Но были и те, кого это зрелище не тронуло. Какой-то злобный мальчишка за моим правым плечом смачно сплюнул себе под ноги.

Я-то знала о правителе Белавер Тренч побольше этого плеваки. Я изучала его творения. Лорд Таннер создал по все-

му городу мраморные статуи плачущих ангелов и умирающих святых. Он возвел огромный гранитный мост через реку Гайзер. Он сотворил все это силой своей мысли. Каменщик высшего ранга! От одного взгляда на него у меня по коже побежали мурашки.

– Видеть вас здесь – значит испытывать безмерную гордость за эту страну и ее народ. Люди из всех слоев общества собрались вместе, чтобы отпраздновать единство, процветание и...

Но что именно мы праздновали, расслышать было невозможно.

Сзади кто-то презрительно хмыкнул, а затем пробормотал:

– Шел бы ты на хрен.

Ну конечно, это был тот плевака. Парень с грязно-русыми волосами, в безупречно чистой рубашке стоял слишком близко. Улыбка на его лице выглядела вымученной, сам он застыл, словно готовый в любой миг сорваться с места, и смотрел на человека с микрофоном так, будто с радостью выбил бы ему все его мелкие зубки. Парень покачал головой, перенес вес на левую ногу и посмотрел мне прямо в глаза.

Меня поразили их цвет. Бледно-голубые. Кристально чистые. Они совершенно не вязались с его обкусанными ногтями, мятыми брюками и стоптанными ботинками, просившими каши. Загар резкой линией обрывался у ворота накрахмаленной рубашки, в которой он явно чувствовал себя не в

своей тарелке. Он то и дело поправлял воротник и рукава, будто по ошибке напялил чужую одежду. Парень был слишком тощим для своего роста. Ремень на брюках был затянут так туго, что конец обернулся вокруг пряжки.

Я сморщила нос, беззвучно обозвала его «свиньей» и снова повернулась к лорду Таннеру. Слава Богу.

– «...И Всевышний послал нам Свое величайшее творение, Свою дочь, – вещал Таннер, – которая не была ни божеством, ни богиней, а человеком, ходившим по этой земле, как и все мы».

«Идия», – подумала я, не сводя широко раскрытых глаз с книги, которую лорд Таннер теперь держал в руках, – «Книги Белавера». Он читал ее тем особенным тоном, каким взрослые говорят о вещах чрезвычайной важности. Я расправила плечи, решив запомнить каждое слово.

– «Через Идию говорил Господь, и сказал Он нам, что земля эта – Святое место. Он повелел нам защищать ее, и когда пришли чужаки осквернить ее священную землю, Идия повела наши армии. Она истекала кровью вместе с нами... и кровь ее была подобна чернилам».

Тут Таннер высоко поднял знакомый камень. Он мог бы сойти за кусок угля, если бы не солнце, что сияло сквозь него, наполняя его светом и являя его истинный цвет. Синий, как морская глубина, как медленно сгущающиеся сумерки.

– Терраниум, – произнес Таннер. – Самая ценная руда,

дарованная нашей землей. Ибо только в этом камне мы находим кристаллизованную кровь Индии, добытую из земли и возвращенную ее народу даже спустя тысячи лет после ее возвращения к Богу.

По толпе пронесся шепоток. Я беспокойно заерзала.

– Благодаря идиуму мы становимся лучше. Мы становимся теми, кем нас задумал Бог. Благодаря учению Индии мы знаем, что творение исходит из тела и разума. Ремесленник и творец. Оба равно важны для движения мира, ибо кто сдвинет Землю с оси, когда замысел уже рожден?

Затем Таннер поднял свободную руку.

Толпа замерла в благоговейном молчании. Все затаили дыхание. Кто мог отрицать чудо, разворачивающееся перед ними? Я замороженно смотрела на пустую ладонь лорда Таннера, на то, как сгибались и разгибались его пальцы. Над ладонью парил небольшой, но идеально гладкий шар из терраиума, вращаясь в воздухе по одной лишь воле Таннера.

Таннер, как и мы, дети, не сводил глаз с камня, и тот начал меняться. Кусочки откалывались, осыпаясь пылью к его ногам. Я слышала тихий треск – невидимая сила высекала из камня нечто новое. Он стал моделью церкви, затем молотом, затем часовой башней. Когда понадобилось, осколки у ног Таннера взмыли вверх, сливаясь с его творением, и вот камень снова сжался в гладкую, безупречную планету, вращающуюся вокруг своей оси.

Никогда в жизни я не видела ничего прекраснее.

Под всеобщие возгласы камень сменился флаконом с темной жидкостью. Идиум. Кровь Идии, как говорили, добытая из камня.

– Сегодня вам, дети, выпала великая честь узнать свое предназначение, уготованное Богом, – будь то труды разума или труд рук ваших. Приняв сегодня Идию в свою кровь, вы станете важной частью тела Белавера и начнете помогать ему выполнять его многочисленные функции. – Его мелкие зубы блеснули в улыбке. – Итак, еще раз приветствую вас всех. Сегодня вы стоите на пороге взрослой жизни и уйдете отсюда, зная свой путь.

Раздались короткие аплодисменты, и я захлопала громче всех. Но хлопки тонули в нервном предвкушении – скоро мы все изопьем эту драгоценную чернильную кровь из сияющего флакона.

Лорд Таннер, помахав рукой на прощание с профессиональной любезностью политика, отошел от микрофона и скрылся в здании. Толпа взорвалась возбужденным гулом.

Я не стала ни с кем разговаривать. Перед глазами стоял этот кусок гранита, снова и снова преображающийся силой мысли, и я невольно улыбнулась. Я подняла взгляд на самый верхний этаж Дома, где, наверное, находился кабинет Таннера. Готова поспорить, он был размером с весь наш дом в Скарри. Даже больше. Наверняка там полно картин, скульптур, бюстов и резной мебели из самых дорогих пород дерева. Как бы мне хотелось оказаться там, среди всего этого

великолепия! Будет ли Школа Искусников такой же? Строгой, сияющей, величественной?

Двойные двери снова распахнулись, и темноволосая женщина с тонкими чертами лица, на высоких каблуках, подошла к микрофону и объявила:

– Жители Белавер-Сити и Бэймута – первыми на Церемонию. Пять очередей у входа, пожалуйста. Без драк.

Вот и все.

Пока вызванных двенадцатилеток подталкивали к дверям, мы, остальные, остались позади. Кто-то пошел искать друзей, кто-то присел на землю в ожидании. Я же была слишком потрясена увиденным, чтобы сидеть или болтать. Я просто стояла, сияя изнутри, до краев наполненная тем же светом, что пронизывал камень в руке лорда.

Я вдруг почувствовала уверенность, хотя и не могла объяснить почему, что сегодня меня назовут искусницей. Человеком, рожденным для деяний разума, – вот кем я была. За поясом юбки лежал припасенный пергамент, а в Скарри осталась целая кипа выброшенных листов – наброски, пейзажи, засушенные цветы, все мои мысли, воплощенные в рисунках. У меня всегда был природный дар. Я была создана для большего, чем Скарри, рождена жить среди творений, сотканных из нитей разума.

Я сдержала улыбку.

– У тебя булавка из задницы торчит, – раздался голос. Я обернулась. Тот самый плевака хмуро смотрел на мою та-

лию, скрестив руки на груди. Заметив мое отвращение, он лишь пожал плечами. – Решил сказать, вдруг не знаешь.

Я поправила булавку сзади на поясе, надежно воткнув ее в складки юбки.

– Не твое дело, – огрызнулась я.

Он нахмурился:

– Если бы мне грозило сесть на булавку, я бы предпочел, чтобы меня предупредили.

– Не собиралась я на нее садиться, – пробормотала я, надеясь, что он отвяжется.

Но парень засунул руки в карманы и вскинул выгоревшие на солнце брови.

– Как тебя зовут?

Я не ответила. Не хотела, чтобы этот плевака знал мое имя. Но он не унимался:

– Меня – Патрик Колсон. Можешь звать Пэтти.

Я продолжала сверлить его взглядом.

– Я из Кентон-Хилла, – упорствовал он. – Скоро туда вернусь. А ты откуда?

– Скарри, – сорвалось у меня с губ, и я тут же захлопнула рот.

Патрик понимающе кивнул:

– У реки который.

Я помедлила и кивнула. Странно было осознавать, что кто-то за пределами Скарри вообще знает о его существовании. И что этот парень вообще что-то знает.

– Тогда буду звать тебя девчонкой из Скарри, – сказал он, и лицо его вдруг стало серьезным. – Так зачем тебе булавка в заднице, девчонка из Скарри?

Я сморщила нос:

– Не называй меня так.

– А как мне тебя называть? Имени-то я твоего не знаю.

– Нина, – раздраженно вздохнула я. – А булавка держит юбку, чтобы не свалилась.

– Вот был бы номер, да? – хмыкнул он.

Я закатила глаза и снова отвернулась, ища глазами, куда бы от него деться.

– А я бы не прочь посмотреть, как вся эта хренова Церемония полетит в бездну, – произнес он убийственно резким тоном.

Я невольно обернулась и снова посмотрела на него, заметив, какими жесткими стали его черты.

– Я так и поняла, – заявила я. – Плюешься, как шахтер.

– А. – Его глаза блеснули, словно я открыла ему что-то важное. – Значит, твой отец – шахтер?

– И такой же озлобленный.

– Чему радоваться, когда весь день торчишь в яме.

– Тогда тебе, наверное, приятно быть здесь? Может, тебе уготована другая судьба? – Сама не знаю, зачем я с ним спорила.

Женщина у микрофона вызвала детей из Бримшира и Бандерли. Толпа редела, дети уходили за двойные двери

и не возвращались, а мы с Патриком Колсоном все стояли неподвижные посреди этого потока. Я могла лишь признать, что его лицо меня ужасно бесило, тон его был высокомерным, и мне отчаянно хотелось утереть ему нос. К тому же от него несло той же застарелой ненавистью, что и от мужиков в Скарри, и было гадко слышать ее отголоски здесь, в столице, так далеко от копоты и грязи.

– Нет, – небрежно бросил Патрик. – Это не про меня. Я сын ремесленника, как и мой отец, и дед. К ночи я сяду в поезд и уеду домой, вот увидишь. – Его улыбка слегка померкла, словно уверенность на миг его оставила. – А если идиум вдруг подействует, я просто откажусь пить его снова. Рано или поздно им придется отправить меня домой. – Эта мысль, похоже, его утешила. Я почти ему позавидовала.

Тут я вспомнила о великих свершениях, для которых была рождена.

– А ты? – продолжил он. – Наверное, молишься, чтобы попасть в эту их выпендренную Школу?

Мне не понравилось, как он это сказал, будто речь шла о какой-то сказке для дурачков. Я вскинула подбородок:

– А почему бы и нет?

Он понимающе усмехнулся.

– Ты похожа на них. Бант в волосах. Булавка в заднице. Никакого интереса к честному труду. – Он говорил заученными фразами. Чужими словами. Обычная песня в наших краях.

Мой отец считал искусников ленивыми, изнеженными белоручками. Он вечно ворчал про их дома, обстановку, водопровод и печи без дров, про то, как они позволяют своим телам дряхлеть, пока их мозги делают всю работу. Слабаки. Целый класс неженков, что боятся запачкать руки. Все это он говорил, в очередной раз накачиваясь выпивкой.

Я подумала о словах Таннера про тело Белавера и его функции, особенно те, за которые отвечали искусники: архитектура, инженерия, изобретения, дизайн, красота. Разве все это могло бы существовать, не будь разума, способного их замыслить? Мир не сводится к одному лишь тупому физическому труду.

Я достаточно наслушалась этих жалоб на «честный труд», чтобы узнать ту же озлобленность, ту же ненависть в тоне, пусть даже и чужую. А значит, я уже слышала все, что мог сказать Патрик Колсон: что правительство искусников коррумпировано и не ценит ремесленников, что платят им гроши – это грабеж среди бела дня, что условия труда смертельно опасны, а все богатства и власть сосредоточены в одних руках. Не то чтобы я была не согласна. Просто мне страшно надоело это слушать и видеть, что ничего не меняется. Мне было трудно сочувствовать тем, кто, казалось, находил в собственных страданиях какое-то извращенное удовольствие. Мама говорила: одно дело – упасть духом, и совсем другое – самому себе рыть могилу.

– Я сама сшила эту юбку, – сказала я Патрику Колсону. –

Она слишком большая. Знаешь почему?

Патрик тупо уставился на меня. Ждал.

Я дотянулась до булавки на поясице и выдернула ее. Юбка соскользнула на бедра, открывая закатанные до колен брюки из плотной ткани. Затем я подобрала юбку, расстегнула ее сзади, накинула на плечи и просунула руки в карманы так, что вшитые рукава вывернулись наружу. Наконец я воткнула булавку себе в волосы. Вот так.

Патрик сглотнул, его щеки слегка порозовели. Готова поспорить на последний пенни, что у него нет сестер и он никогда в жизни не видел, чтобы девушка вот так скидывала юбку.

– Я не сяду в поезд домой, стану я искусницей или нет, – отрезала я. – У меня тоже хватает претензий к жизни на Грани. Только я не вижу смысла нить. Я лучше буду придумывать и создавать. А если не выйдет стать искусницей, буду пробиваться своим умом. – Я выразительно посмотрела на него. – Домой я не вернусь.

Патрик пялился на меня не моргая. Смотрел, как я стаскиваю с рук свое импровизированное пальто и снова превращаю его в юбку. Господи, какая же она была тяжелая! Достаточно теплая для холодных ночей под открытым небом. Тяжелая от всего, что я умудрилась вшить в подол.

Он встряхнулся, словно очнувшись.

– Ну... – протянул он. – Вот это ты меня уела, а?

Патрик Колсон явно не желал следить за языком.



# Глава 4

## Патрик



– Зачем тебе быть кузнецом, а не каменщиком? Или чародеем?

– Одно, мать его, слово, Нина Хэрроу, – сказал Патрик, раскинув руки в стороны. – Золото.

Нина поджала губы, как это делают девчонки, когда считают тебя дураком.

– Думаю, ты скоро обнаружишь, что алмазы ценнее золота.

– Нет.

– Еще как.

– Да ну? – заметил он, кинув в нее камешком. Она едва вздрогнула. – Откуда тебе знать, девчонка из Скарри?

– Потому что я читаю, – просто сказала она, и на это ему нечего было возразить. Патрик едва мог разобрать что-то

сложнее газетных заголовков. Школа нагоняла на него скуку.

Она была умна, это ясно. Не умнее Патрика, он был уверен, но ум у нее был другой. Жгучий.

– Кем же ты тогда хочешь быть, раз все знаешь?

– Кем-то значимым, – сказала она, подтянув колени к груди.

Он приподнял бровь:

– Ты про терраниум?

Ее бесстрастное лицо подсказало ему, что он прав. Она снова его удивила.

Да, многие их сверстники, вероятно, надеялись стать знаменитыми алхимиками терраниума. В конце концов, что может быть важнее для континента, чем бережное извлечение идиума, – работа, которую мог выполнить только тот, чьей стихией был терраниум. К тому же ходили слухи, что число алхимиков терраниума стремительно сокращается – мало кто знал, сколько их осталось.

Но все же Нина не казалась Патрику человеком, жаждущим славы или почестей. Она казалась той, кто от чего-то бежит.

– Хм, – пробормотал Патрик. – А я думал, ты скажешь – писарем.

Она бросила на него недоверчивый взгляд.

– Самый низший из искусников?

Он пожал плечами:

– Кажется, это интереснее, чем добывать кровь из камня.

Писари повсюду путешествуют.

Это была правда. В каждом городе и приходе Траншеи был свой писарь, который отправлял и получал послания из столицы и брал плату со всех, кто мог позволить себе отправить весточку далекому любимому человеку.

Нина покачала головой:

– Если уж я стану искусницей, то не хочу целыми днями сидеть и отправлять записки силой мысли. Я хочу делать что-то более важное.

– И хочешь, чтобы твоей стихией был терраниум?

– Чтобы моей стихией было что угодно, кроме пера и бумаги.

– И все же у тебя за поясом брюк припрятан свиток пергамента, – усмехнулся он. – Я видел, когда ты юбку сбросила.

Ее щеки вспыхнули – маленькая победа. Он кивнул подбородком в сторону ее бедра.

– Можно посмотреть, что ты написала?

– Нет, – тут же отрезала она.

Патрик подумал о зверьках, попавших в капкан, и решил, что лучше на нее не давить. Он закатил глаза и больше не спрашивал.

Вокруг них одновременно велись похожие разговоры. Мальчики и девочки сидели или стояли, а толпа редела. Все они ждали, когда из трескучего микрофона назовут их родной город, а пока спорили об иерархии искусников.

Стихии, известные как низшие искусства, – живопись, ри-

сунок, письмо, сочинение музыки – были развлечением для задавак. Большинство искусников преуспевали в одной или нескольких из них. Некоторые проявляли способности во всех. А были и более высокопоставленные классы...

Стихией писаря, проще говоря, были чернила. Они могли заставить их появиться на другом краю земли.

Огранщики специализировались на драгоценных камнях: алмазах, кварце, аметисте и тому подобном. Они были искусными декораторами, дизайнерами изысканных вещей. Огранщики могли придать самоцветам любую форму, какую пожелает богатая госпожа. Патрик считал их бесполезными.

Кузнецы работали с медью, железом, никелем, золотом и серебром. Патрик признавал, что тонкостью их работы можно было восхищаться.

Каменщики были высшим рангом искусников. Дерево и камень были жизненно важными ресурсами в мире, состоящем почти только из них.

Алхимия, конечно, была самой важной. Только алхимик мог расколоть кусок терраниума. Без них не было бы идиума. Не было бы Церемоний Отбора. Не было бы искусников. Был только один ранг, который мог сравниться с классом алхимика.

– А что, если ты станешь чародейкой? – спросил Патрик у нее, у этой девочки, которая не собиралась домой.

Ее ответ был мгновенным, как и все ее ответы, словно она уже обдумала каждый вопрос, который мог задать мир, и за-

готовила свое мнение.

– Земли.

– Почему не огня или воды? – Патрику нравилось ее спрашивать. Нравилось слышать уверенность в ее голосе.

– Нетрудно догадаться почему.

– Полагаю, дело в славе? Ты была бы единственной чародейкой земли за сто с лишним лет.

Она нахмурилась, укоризненно посмотрев на него.

– Больше чародеев земли – меньше обвалов в шахтах, – объяснила она, словно учила жука считать. – Представь: если бы в каждой шахте был чародей, который бы удерживал туннели от обрушения.

Ему не хотелось это представлять. Это значило думать об отце и брате в Кентон-Хилле, готовящихся спуститься в шахту. Он не хотел думать о туннелях, которые складываются как карточные домики.

Вместо этого Патрик вглядывался в нее, пытаясь разгадать ее странности одну за другой. На ее горле были царапины. Ее пальцы то и дело возвращались туда, рассеянно теребя что-то несуществующее. Он никогда не видел, чтобы человек так сильно чего-то желал, что это проявлялось на его коже. Но Нина... Нина просто горела этим. Так, что аж чесалась.

Она указывала на шпили зданий за стенами двора и называла каждое из них, словно они были ей хорошо знакомы. Она скрещивала и распрямляла ноги, то вспоминая о при-

личиях, то снова превращаясь в ребенка из городка вроде Скарри, который сидит так, как ему удобно. У нее были светлые кудряшки, торчащие во все стороны, румяная кожа, тысяча веснушек и щербинка между верхними зубами. У нее были подвижные пальцы и темные брови, которые взлетали и опускались с каждым словом. Ее ореховые глаза, казалось, замечали все вокруг. Нина указала на часовую башню и сказала ему, что ее создал слепой искусник по имени Джеффри Уолтцер.

Это заставило его широко улыбнуться.

– Мой братишка Донни плохо видит. Уверен, ему бы понравилась эта история.

– Она бьет разным тоном каждый час, – продолжила Нина, – так что не нужно смотреть, чтобы узнать время. Его можно услышать.

– Слышать время, – усмехнулся Патрик. – Чушь в духе искусников.

Нина вздохнула. Ее плечи драматично опустились, и Патрик вдруг забеспокоился, что она устала от него.

– Хотя это умно, – поспешно добавил он.

– Лжец.

Он усмехнулся.

– Я просто этого не понимаю, вот и все.

– Чего не понимаешь?

Он замялся, подбирая ответ, который не прозвучал бы как оскорбление.

– Всю эту творческую ерунду... Слышать время, чувствовать цвета и все такое. Искусники говорят так, будто ветер дует только для них. Но ветер – это просто ветер, в нем нет никакого смысла.

– Ты неправ, – сказала она не сердито, а оживленно, ее сияющие глаза были большими, с планету. – Во всем есть смысл, если присмотреться. В этом есть и радость. Вот в чем беда ремесленников, – фыркнула она, подтянув колени к груди. – Они слишком измотаны, чтобы чувствовать что-либо, кроме злости. Знаешь, что мой отец ненавидит больше всего?

Патрик настороженно пожал плечами.

– Музыку, – сказала она. – И танцы тоже. Говорит, они превращают людей в клоунов. Представь, быть таким... таким...

– Зажатым?

Она неохотно улыбнулась:

– Несчастливым. Все они одинаковые. Несчастливые и уставшие. Слишком деревянные, чтобы танцевать. – Ее губы сжались, когда она говорила, горечь скривила их. – Все они одинаковые.

– Может, в Скарри, – нахмурился Патрик, – но не везде. Не в Кентон-Хилле.

Нина закатила глаза.

– Мы танцуем. – В нем проснулось странное желание произвести на нее впечатление. – Я вот отличный танцор. То,

что мы не искусники, не значит, что мы скучные.

Она рассмеялась, затем отвернула голову, демонстрируя пренебрежение.

Господи, какая же она была надоедливая. Надменная. Нервная. Он подумал, что, вероятно, пришло время поставить ее на место, сбить с нее спесь. Для дочери шахтера у нее были уж слишком здешние замашки.

Патрик резко встал, возвышаясь над ней. Когда она озадаченно подняла на него глаза, он сделал серьезное, сосредоточенное лицо.

И Патрик затанцевал. Ничего особенного, просто джига. Его ноги взметали пыль, и группа девчонок неподалеку захихикала и отступила. Когда щеки Нины вспыхнули, он закружился на месте, поднял руки, подпрыгнул. Он слышал, как другие хлопают в такт, выкрикивая оскорбления.

Затем его дернули вниз, на землю, рука Нины вцепилась в его ремень.

– Проклятье, – выругалась та, отпустив Патрика, только когда его задница крепко приложилась о землю. Она с нарастающим смущением огляделась. – У тебя что, газ в голове?

Он хихикнул:

– Это музыка в ногах, Нина Хэрроу, или как там вы, искусники, такое называете.

Улыбка сорвалась с ее губ, затем она разразилась смехом. А потом он тоже рассмеялся. Они оба катались по земле, держась за животы.

Он хотел задать ей еще тысячу вопросов. Он остро ощущал, как уходит время, хотя совершенно забыл о поезде, на который так отчаянно хотел вернуться.

– Если ты не попадешь в Школу, – осторожно спросил он, – куда ты отправишься?

Она пожала плечами, словно это было неважно.

– Найду себе место.

– В городе? Собираешься работать на фабрике? Здесь все ремесленники только этим и занимаются. Мой отец говорит, это хуже тюрьмы.

– Какая разница, когда я стану искусницей, верно? – Она многозначительно посмотрела на него, вновь вызывая на спор, и он захотел возразить. Если бы не знание, что она может пырнуть его булавкой из юбки, Патрик обозвал бы ее душой.

– Почему ты так уверена? – Он наклонился ближе, не желая пропустить ответ. На всякий случай он смотрел на ее губы.

Прошло мгновение. Она пожевала губами, словно ей нужно было сначала попробовать слова на вкус. Она посмотрела поверх головы Патрика на бесконечные ряды красных крыш, и ее руки заплясали на коленях. Наконец она снова посмотрела на него, усмехнулась и сказала:

– Просто чувствую. Вот здесь.

И она указала не на голову, где, по мнению искусников, жило творчество. Она указала на свою грудь, и Патрик знал,

что если бы она могла показать ему, что находится прямо под кожей, сухожилиями и костями, то там билось бы ее сердце.

Ему отчаянно захотелось узнать, что же такого было в Скарри, что заставляло ее так стремиться на незнакомые улицы. Ему хотелось знать, что заставляло ее так гореть. Что бы ее ни гнало, оно проносилось в ее мыслях, пока они сидели там, в футе друг от друга, в более нарядной одежде, чем привыкли. Оно дико билось в ее крови, увлекая ее прочь.

На одно ужасающее мгновение ее глаза остекленели, и она как-то по-детски сглотнула. У Патрика возникло желание коснуться ее щеки. В итоге он этого не сделал.

– Если идиум не подействует, можешь поехать со мной в Кентон-Хилл, – услышал он себя. Не знал, зачем он это сказал, кроме того, что его грудь распирало, а Нина даже не моргнула.

Она не ответила. Она лишь утерла глаза рукавом и посмотрела на женщину у микрофона.

– Как думаешь, долго нам еще ждать?

– Еще долго, – сказал Патрик, испытав облегчение. – Еще не прошли Дорсер и Даннич.

Она сникла. У нее заурчало в животе, и у Патрика тоже.

Они оба не ели с вокзала, а в вагонах-ресторанах предлагали только хлеб с уксусом или печенье, которое рассыпалось в руках.

Патрик закусил губу и оглядел двор. Сбоку от Национального Дома Искусников слуги входили и выходили через бо-

ковую дверь с ящиками товаров. Лысый мужик орал на подводы, которые останавливались перед ним. Водители в кепках с потными лицами слезали со своих мест и выгружали товар.

Обычно Патрик не воровал. Его старший брат Ганнер чуть не лишился руки за мешочек засахаренных апельсинов весом в десять унций – одно из их самых глупых предприятий. Но когда Патрик посмотрел на Нину, увидел ослабший бант в ее волосах, царапины на горле, цепкие глаза, он почувствовал лихорадочное желание совершить что-то глупое.

И он схватил ее за руку:

– Пойдем, девчонка из Скарри.



# Глава 5

## Нина



Патрик потащил меня через двор, мимо групп детей, от скуки занявшихся школьными играми.

Я шла безропотно. Было жарко. Я устала, проголодалась, и мне смертельно надоело ждать. Меня распирало от нетерпения, которое я не могла скрыть. Движение стало облегчением.

Я слишком поздно поняла, куда он меня ведет. Его пальцы крепко вцепились в мою ладонь и потащили меня вдоль здания, где несколько детей искали тень, а слуги Национального Дома курили. Здесь не было ничего, кроме ограды из песчаника, плюща, карабкающегося по известковым стенам, пыли и грязи под ногами. Улица была заполнена лошадьми,

повозками и разнокалиберными фургонами. Возчики орали друг на друга, пытаясь пробиться и объехать, чтобы доставить свой следующий груз. Все они были ремесленниками.

– Нам сюда нельзя, – прошипела я, пытаясь вырвать руку у Патрика.

Он обернулся, подмигнул одним из своих поразительных глаз и усмехнулся.

– Неужели ты боишься?

Я бросила на него самый презрительный взгляд, на какой была способна.

– Что мы делаем?

– Идем поесть. Я умираю с голоду.

«Я тоже».

– Если нас поймают, то выгонят!

Патрик остановился, когда слева от нас открылась дверь, и мы бросились на землю, скрытые от глаз шатко сложенными вдоль стены ящиками. Вышедший слуга не посмотрел в нашу сторону. Он свистнул возчику:

– Ты следующий!

Я вздохнула с облегчением:

– Господи, чуть не попались.

Но взгляд Патрика был прикован к этой открытой двери, к слуге, стоящему спиной, к пространству между ними. Его взгляд лихорадочно сиял.

Мои глаза расширились.

– Патрик. Даже не думай.

– Трусиха, – прошептал он с ухмылкой.

– Я не трусиха.

– Тогда соберись с мыслями, девчонка из Скарри. На счет три. Раз...

– Не смей.

– Два.

– Ты и вправду думаешь, что я за тобой пойду, да? Я что, похожа на дуру?

– Три.

Патрик отпустил мою руку, отдал мне честь, затем перепрыгнул через ящики и вбежал в открытую дверь, исчезнув внутри.

– Вот дерьмо, – выдохнула я.

Следовать за ним не было никакого смысла. Столько людей входило и выходило, Патрика обязательно поймают. Мальчишки – настоящие идиоты. Он, вероятно, врезался прямо в грудь полицейского, как только вошел. Его запястья, наверное, уже в кандалах. Его вот-вот отведут обратно к поезду.

Ему-то что. Патрик хотел вернуться на Грань. Какое ему дело, если Дом откажет ему в праве на Отбор? Возможно, он этого и добивался – способа избежать этого испытания.

Тут мне пришло в голову, что, возможно, Патрик боялся. Что, если он примет идиум и тот покажет, что он искусник? Он не говорил о доме со сжатыми челюстями, как я. Нет, он говорил о нем как о месте, которому он принадлежит. Что,

если идиум покажет, что это не так?

Может, оставить его с этим плохо продуманным планом, с его поездом и несчастьем. Какое мне, в конце концов, дело?

Время шло, а он не появлялся. Дверь оставалась открытой, и вышедший из нее слуга, казалось, был занят жарким спором с возчиком. Ни один полицейский не вытащил Патрика обратно в пыль.

«Возвращайся во двор, – сказала я себе. – Пока кто-нибудь не увидел». Но я осталась и ждала. Мое сердце бешено колотилось.

Внезапно снова появилась его голова. Патрик выглянул из-за дверного косяка и заметил меня в углублении между ящиками. Этот самодовольный ублюдок приподнял бровь.

– Возвращайся! – беззвучно прошептала я, отчаянно жестикулируя.

Мой взгляд метнулся к слугам и возчикам, которые были так заняты, что никто не обратил внимания на детей, играющих в кошки-мышки у двери.

– Быстрее! – прошептала я.

Но Патрик Колсон не сдвинулся с места. Вместо этого он закатил глаза, словно никогда не встречал такой истерички, как я, а затем снова исчез.

Слуга и возчик продолжали перепалку, и, казалось, никто, кроме них, ни на что не обращал внимания. Я представила, как еще Патрик назовет меня, если я останусь в безопасности снаружи. Слабачка. Тряпка. Трусиха. Я уже видела ухмылку

на его лице.

Была и другая мысль. Я жаждала увидеть, что внутри этого здания.

Внезапно раздался оглушительный грохот – два возчика столкнулись своими фургонами. Заржали лошади. Мужчины выругались. Шум стал громче. Внутри меня что-то щелкнуло.

Сквозь блеяние и ржание я выскочила из своего укрытия, перепрыгнула через кучу рассыпанной картошки и проскользнула внутрь Национального Дома Искусников.

Впереди простирался длинный коридор, а в его конце я увидела ряды дубовых столов в открытом зале. Пятеро мужчин со скучающими лицами сидели за ними, держа в руках флаконы, перед ними – очереди детей. Церемония Отбора.

Только она не была такой уж торжественной. Чиновники кричали: «Имя?» – когда к ним подходили новые дети. Они водили увеличительным стеклом по длинным-предлинным спискам. Они доставали крошечный флакон из беспорядочно сложенных по бокам ящичков и ставили его на стол перед собой.

– Пей! – велели они.

И дети пили. Я заворуженно наблюдала, как они дрожащими руками откупоривали флакон и подносили его к губам. Они выпивали раствор и зажмуривались. Затем чиновники указывали на коробку с какими-то предметами, стоявшую на столе перед ними.

– Возьми каждый в руку.

Дети делали, как им было сказано, гадая, должны ли они что-то почувствовать. Они брали и клали обратно каждый предмет из коробки, словно выбирая спелые фрукты на рынке. Когда ничего не происходило, чиновники едва отрывали взгляд от своих списков.

– Ремесленник, – объявляли они. И глаза детей либо опускались, либо расширялись от облегчения.

Лишь один ребенок вызвал иную реакцию. Мальчик, хорошо одетый и ухоженный. Он стоял с прямой спиной и высоко поднятым подбородком. Он выглядел таким аристократичным, что я не могла не уставиться на него.

– Теодор Шоп, – сказал он женщине за столом.

Он выпил свой идиум, и, когда он протянул руку к коробке, стакан с водой угрожающе задрожал. И ребенок, и чиновник отпрянули, их глаза распахнулись.

– Спокойно, мальчик, – сказал ему чиновник. – Позволь ему прийти к тебе.

Теодор Шоп сосредоточенно нахмурился. Вместо того чтобы поднять руку, он просто смотрел на стакан. Вода в нем начала рябить все сильнее и сильнее, закручиваясь в яростные круги, пока наконец стакан не опрокинулся и вода не хлынула на столешницу и не потекла по ее краям. Быстро подошел слуга с тряпкой, чтобы вытереть лужу, прежде чем она намочила кипы списков.

– Искусник. Чародей! – объявил чиновник, хлопая в ладо-

ши и улыбаясь – первая улыбка за все время. – Стихия: вода!

Теодор Шоп лишь смотрел на беспорядок, который он устроил своим разумом, и на его лице появились румянец и легкая ухмылка.

В следующий миг чья-то рука зажала мне рот и утащила в темную комнату. Дверь захлопнулась, поглотив весь свет. Меня резко прижали к стене, и какой-то инстинкт заставил меня укунить ладонь.

– Ай! – Дыхание Патрика обожгло мне лицо. Его пальцы исчезли. – Дерьмо!

В коридоре послышались шаги, и мы оба замерли. Но они не замедлились и не остановились, и никто не открыл дверь, чтобы проверить. Они прошли мимо, звук затих, и мы с Патриком обмякли, заглушая смех рукавами.

Я приложила руку к бешено колотящемуся сердцу.

– Срань господня.

– Да. – В его голосе слышалась ухмылка. – Срань господня.

Раздался щелчок. Вспышка. В руке Патрика затрепетало пламя, освещая его лицо. На мгновение я уставилась на него. Пламя исходило от крошечной серебряной коробочки.

– Что это? – Меня саму покорило, как восторженно это прозвучало.

Патрик с любопытством посмотрел на меня:

– Зажигалка. У вас в Скарри таких нет?

– Если бы были, я бы стала спрашивать?

Патрик усмехнулся.

– Эта конкретная – изобретение моего отца. Вот. – И он поднес ее ко мне для рассмотрения. – Это колесико высекает искру из кремня. Масло в канистре поддерживает пламя.

Я с опаской посмотрела на нее:

– Твой отец, говоришь?

Патрик подмигнул мне. Пламя плясало в его зрачках.

– Не все гении – задаваки.

Мой взгляд упал на его губы. Он был значительно выше меня, но так близко, как никогда прежде, и мой живот ожил, сети трескучих вспышек взорвались из моего нутра и понеслись вверх, к груди. Я вдруг почувствовала смущение. Мои щеки загорелись.

– Нам нужно уходить, – прошептала я ему. – Сейчас.

Но Патрик был далек от паники. На самом деле его улыбка стала только шире.

– Ты пошла за мной, – констатировал он. – Не думал, что пойдешь.

– Что? – пробормотала я, очнувшись. – Ты не оставил мне выбора.

– Не-а. – Он покачал головой. – Выбор был. – Огонек зажигалки затрепетал, когда он поднял ее выше, словно чтобы лучше меня рассмотреть. – Ты сама решила пойти со мной.

В животе у меня снова все скрутило, и, кажется, он это заметил. Его глаза блеснули.

– Я тебе нравлюсь, да?

Лицо залило жаром.

– Что?! Фу! Ты отврати...

Тут Патрик что-то в меня бросил. Я едва успела это увидеть, прежде чем оно ударило меня в живот. Что-то круглое и тяжелое. В моих руках оказалась сдобная булочка.

– Ешь, – сказал Патрик. – А потом нам лучше уйти. Ты на меня плохо влияешь, Нина Хэрроу.

Я колебалась, но урчание в животе быстро заглушило все остальные мысли. Я ела молча, но обнаружила, что улыбаюсь, жуя куски сладкой булочки. Я задавалась вопросом, от страха или от бешеного восторга кровь стучала у меня в висках. Эти два чувства, казалось, были тесно переплетены.

Патрик ходил вдоль полок, выстроившихся у стен, освещая небольшие участки своей зажигалкой. Похоже, мы были в каком-то складском помещении. Пахло сыростью и гниющими овощами. В углах что-то шевелилось: свет Патрика загонял крыс обратно в стены. Башня за башней ящиков были расставлены по проходам. Все они были одинаковыми, за исключением клейм, выжженных на дереве, обозначающих их содержимое: «КОНСЕРВЫ БРАНДЛА», «ТИМПТОН И СЫНОВЬЯ», «ЛЬНЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЛИПШОРА».

Он чуть не провалился в какую-то дыру. Зажигалка осветила ее края прежде, чем он успел наступить.

– Стой! – прошипела я, протягивая руки и указывая вниз. Его нога зависла над пропастью.

Он посветил зажигалкой вглубь. Неглубокие ступени вели

к люку в подвал. Открытому люку.

– Как думаешь, что они там хранят? – спросил он, и я снова увидела в его глазах то безумное безрассудство.

– Даже не думай.

Но Патрик уже начал спускаться по ступеням. Он осторожно опустился на лестницу.

– Мы зашли так далеко, – сказал он. – Можно и осмотреться.

Я мгновение колебалась, а затем последовала за ним.

В подвале было холодно, пол был из утрамбованной земли. Но что там хранилось, я не могла разглядеть. Патрик стоял с высоко поднятой зажигалкой, заслоняя все остальное. Мне пришлось оттолкнуть его, чтобы увидеть.

Полки и полки неглубоких ящичков, сложенных у одной стены. Те самые ящички, которые я видела брошенными у ног чиновников.

– Проклятье, – произнес Патрик.

Он поднес зажигалку к клейму, выжженному на дереве одного из ящичков.

«СОБСТВЕННОСТЬ БЕЛАВЕР ТРЕНЧ», – гласила надпись.

– Ты ведь не думаешь?..

– Конечно, я думаю, – прохрипела я внезапно пересохшим горлом. – Не трогай!

Патрик тут же поднял крышку одного из ящичков. Он вытащил маленький флакон, внутри которого плескалась тем-

ная вязкая жидкость.

– Срань господня, – сказал Патрик. Затем громче: – Срань господня!

Я тут же крепко зажала ему рот рукой:

– Заткнись, идиот!

Патрик вырвался из моей хватки.

– Это чернила.

– Мы в кладовке рядом с залом, где проходит Церемония Отбора, придурок. Что ты думал найти?

Грохот наверху возвестил о чьем-то приходе, и моя кровь застыла в жилах. Желтый свет хлынул в подвал через открытый люк.

– Сюда, – приказал бесплотный голос.

В промежутке между вдохами Патрик погасил зажигалку. Его пальцы вцепились в мою блузку спереди, и он потянул меня в сторону. Мы забились в дальний темный угол, где из переполненных ящиков свисали пахнущие сыростью простыни, скрывая нас по пояс. Я молилась, чтобы тени спрятали и наши ноги. Послышались звуки шагов и тяжелого дыхания, хотя я ничего не видела за потемневшей тканью. Грузчики, я полагала, несли припасы над головой и сбрасывали их, куда им указывали. Властный голос давал им указания:

– Не туда! Вон туда.

Непрекращающийся стук моего сердца. Шорох ног Патрика. Ощущение его дыхания на макушке. Мои дрожащие пальцы в его руке.

«Конечно, – подумала я. – Если они спустятся сюда, нас услышат. Нас найдут».

Патрик сжал мои пальцы: мол, тише.

– Идиум, сэр? – спросил грубый голос.

– В подвале, – последовал ответ.

Мое сердце замерло.

Я слышала кряхтение человека, спускающегося в темноту, глухой стук его ног, нашедших землю.

– Передавай, – позвал он.

Я не смела посмотреть. Я зажмурилась и молилась. Раздался стук дерева о дерево и музыка перекатывающегося стекла.

– На этих восковые печати. – Мужчина говорил с усилием, словно пробежал несколько миль. – Никогда не видел, чтобы они с воском возились. А ты?

– Уходи, – был единственный ответ.

Шаги послышались на лестнице и затем удалились, но желтый свет остался.

Комната наверху опустела? Уже можно выходить?

Внезапно к последнему голосу присоединился еще один, и я подпрыгнула. При этом наступила Патрику на ногу и почувствовала, как он вздрогнул. На этот раз голос был высоким и мелодичным. Он эхом отражался от стен. Стук высоких каблуков по плитке наверху сопровождал речь женщины.

– Томас, пусть кто-нибудь придет и уберет мусор в кори-

доре, ящики снова копят, а мы еще не добрались до середины списка на Отбор. Где твой проклятый персонал?

– Принимают поставки, мэм.

– Тогда сделай это сам. И принеси еще флаконов, пожалуйста.

Мужчина, казалось, колебался. Я слышала, как он нервно переступил с ноги на ногу.

– Мэм... э-э... с восковыми печатями или...

– Нет, – сказала женщина. – Мы набрали почти всех нужных детей-искусников на этот год, чародей воды был одним из последних. Остались только города Грани.

Пауза, может быть, всего на полсекунды. Достаточно времени, однако, чтобы мое сердце сжалось в груди, чтобы рука Патрика обмякла, чтобы мы оба содрогнулись, потрясенные до глубины души.

– Принеси флаконы с пометкой для ремесленников. Если повезет, мы закончим пораньше, – сказала женщина.

Мужчина, казалось, хотел сказать что-то еще, но передумал.

– Во дворе есть девочка, – все же заговорил он. – Маленькая, с рыжими волосами. Худая, как тростинка. Кажется, она давно не ела.

Женщина глубоко, но беззлобно вздохнула.

– Ее кормили в поезде, – сказала она. – И ее снова покормят, прежде чем она вернется к своей семье.

– Просто кажется, что одного-двух из самых бедных мож-

но было бы избавить от такой жизни, – продолжил мужчина. – Было бы достаточно легко подменить флакон...

– Думайте, что говорите, – прошипела женщина, ее голос понизился до шепота. – Такие мысли приведут вас на виселицу, сэр. Вы меня понимаете?

Шорох.

– Да, мэм.

– Лишь горстка людей допущена к этим знаниям, и вам хорошо платят за вашу работу, не так ли?

– Да, мэм. – На этот раз это прозвучало более подавленно.

Послышался легкий вздох, а затем:

– Всегда были те, кому повезло больше, Томас. Таков уж мир, каким бы жестоким он ни казался. Не всем можно доверять власть. Ее нужно распределять с осторожностью.

– Конечно, мэм. Я только подумал... – Его голос затих. И о чем бы ни думал Томас, это так и не было озвучено.

Мне бы хотелось увидеть лицо этой женщины. Я хотела понять, было ли оно сочувствующим, или злым, или безразличным. Я хотела знать, что мелькнуло в ее глазах, когда она сказала:

– Единственное, что мы можем сделать для этих детей, – это молиться за них.

Раздался звук передвигаемых ящиков, резкий стук каблучков женщины удалялся. Мужчина по имени Томас вздохнул где-то у люка. А затем его ноги снова спустились по лестнице.

Я выглянула из-за заплесневелых простыней, увидела, как он с тоской смотрит на ящик в своих руках, и поняла, что он намного старше, чем я успела представить. Он сжал стенки ящика, словно собирался его раздавить, но вместо этого поставил его рядом с остальными и отвернулся. Он поднялся по лестнице и закрыл люк. Желтый свет исчез.

Мы с Патриком снова остались одни. С онемевшими коленями и языками.

Прошло несколько мгновений, прежде чем Патрик поднял простыни и вышел. И еще больше времени прошло, прежде чем он вспомнил обо мне. Он выпутал меня из простыней в темноте, а у меня даже не было сил ему помочь.

Огонек зажигалки затрепетал в пространстве между его подбородком и моим, окрасив нас обоих в кроваво-оранжевый.

– Что она имела в виду? – спросила я его, как ребенок спрашивает старшего.

Его губы выглядели белыми даже в свете.

– Я не знаю.

– «С пометкой для ремесленников». – Я посмотрела на ящики с клеймом «СОБСТВЕННОСТЬ БЕЛАВЕР ТРЕНЧ». – Она сказала: «С пометкой для ремесленников».

Патрик поднял флакон, который взял ранее. На его пробке была красная восковая печать, едва покрывавшая горлышко. Я подумала о тех детях, которых видела в зале, откупоривавших свои флаконы идиума без восковых печатей. Каждого

из них называли ремесленником.

*«Мы набрали почти всех нужных детей-искусников на этот год».*

– Что это значит? – спросила я снова, и мои слова сочли-  
лись отчаянием. Желудок сжался. Зажигалка погасла. – Пат-  
рик... что это значит?

Где-то внутри меня все ту же и ту же закручивался некий  
винт.



# Глава 6

## Патрик



Нижняя губа Нины дрогнула.

«Надо валить, – подумал Патрик. – Пока они не вернулись».

Но ноги словно приросли к земле, он не мог сделать ни шагу. Мысли лихорадочно метались, цепляясь за ящики на полках, словно пытаясь выцарапать из дерева хоть какой-то ответ.

– Что это значит? – снова и снова шептала Нина, будто молитву.

Эти слова отдавались гулким эхом и в его голове.

«Я не знаю, что это значит».

Он не мог уйти. Не мог, пока не поймет, в чем тут дело.

Патрик опустил три ящика на пол, мысленно проклиная себя за поднятый шум. Он поддел крышки и поморщился

от протестующего скрипа дерева. Чиркнув колесиком отцовской зажигалки, он высек искру, и пламя вспыхнуло на уровне его колен.

В двух ящиках оказалось по двадцать четыре флакона, все закупорены пробками, но без восковых печатей. В третьем, поменьше, флаконов было всего двенадцать, и горлышко каждого было небрежно залито тонким слоем красного воска – тот, кто их запечатывал, явно не слишком заботился об аккуратности.

Патрик вытащил один из флаконов и без труда скovyрнул воск. Без этой печати флаконы ничем не отличались друг от друга.

Внутри каждого поблескивала чернильная жидкость.

– Они помечены, – выдохнула Нина. – Они помечены для искусников. Для тех... для тех, кого они уже выбрали.

Кровь забурлила в жилах, и Патрик понял, что не может вымолвить ни слова. В голове набатом гудели ядовитые слова, которые он слышал с самого детства, – бесконечная череда проклятий в адрес правительства искусников. Каждое бранное слово, брошенное по пьяни или на трезвую голову, – все они теперь слились в один оглушительный поток.

Его перекосило от ярости. Рука дрогнула, готовая раздавить флакон.

Но пока Патрик сгорал в пламени ярости, Нина, казалось, угасала.

– Значит, у меня никогда и не было шанса? – Ее голос был

едва слышен. – Никогда не было шанса.

В глазах Нины заблестели слезы. Бант в ее волосах съехал еще ниже.

Сам того не осознавая, не успев даже подумать, он обнял ее за плечи и притянул к себе. И пусть она считала его глупым и безрассудным, но все же уткнулась лбом ему в грудь и вцепилась обеими руками в рубашку у него на спине.

Он почувствовал сквозь ткань ее теплое дыхание и вздрогнул. И поймал себя на том, что почему-то не хочет ее отпускать.

– Нам нужно уходить, Нина.

– Я знаю.

– Прямо сейчас.

– Знаю.

Но прежде чем они поднялись по лестнице, выбрались через люк в коридор, а оттуда на улицу, во двор, Патрик вытащил четыре флакона идиума и сунул их глубоко в карманы.

Два с восковыми печатями и два – без.



# Глава 7

## Нина



– Скарри, Соммерленд! – разнесся над двором усиленный микрофоном скучающий женский голос.

В карманах моей юбки затаились два разных флакона с кровью Идии. Я крепко сжимала их, пока толпа несла меня к широко распахнутым дверям.

Патрик ушел. Кентон-Хилл и Лавноншир вызвали, казалось, целую вечность назад.

– Что же нам делать? – взмолилась я тогда.

– Ничего, – ответил он, вытаскивая меня из нашего укрытия обратно к толпе детей. – Теперь уже ничего.

– Это все подстроено. Все решено за нас!

– Да. – Он смотрел так, будто я хлестала его этими слова-

ми по лицу.

Я топнула ногой:

– Неправда! Всегда можно что-то сделать. Всегда. Мы не можем просто сдаться!

На миг во взгляде Патрика вспыхнул огонь, он весь подобрался, готовый к борьбе. Но пламя тут же погасло, он тяжело выдохнул, и плечи его поникли. Он утер нос рукавом рубашки и отвернулся.

– Так или иначе, мне суждено было вернуться на этом поезде, – глухо произнес он. И добавил: – Проклятые ублюдки.

А потом с еще большей яростью:

– Я бы прикончил каждого из них.

На один жуткий миг я ему поверила.

– Я никогда... я никогда не стану искусницей, – прошептала я. Спрятанный под одеждой пергамент до боли впился в живот.

Он посмотрел на меня с такой бесконечной жалостью, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Я думала, он снова позовет меня в Кентон-Хилл. И возможно, на этот раз я бы согласилась.

– Кентон-Хилл! Лавноншир! – прокричали у входа.

Патрик выругался. Он взял мои безвольно повисшие руки и вложил в каждую по прохладному флакону.

Его голубые глаза, теперь полные страха, все равно были поразительно красивы.

– У тебя своя голова на плечах, – напомнил он. – Не поз-

воляй этим ублюдкам забрать ее.

Затем он наклонился, коротко коснулся губами моей щеки и шагнул в двойные двери, словно шел на эшафот. У самого порога он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на меня, уголки его губ неловко приподнялись в подобии улыбки и тут же опали.

Казалось, он хотел сказать так много, но лишь стиснул зубы. Вся тяжесть и боль Белавер Тренч застыли на губах сына шахтера.

Так ушел Патрик Колсон, и я была уверена, что больше никогда его не увижу.

Дети из Скарри и Соммерленда вливались в двери Национального Дома Искусников, чтобы узнать, как им предстоит провести остаток своих дней. Мне стало всех их бесконечно жаль. Интересно, были ли среди них те, кто, как и я, надеялся вырваться из своей прежней жизни?

– В пять рядов! – крикнула искусница, и я узнала стук ее каблучков по плитке.

*«На этот год мы набрали почти всех искусников».*

Зал внутри был прекрасен и до неприличия пышен. Стены украшали огромные картины в тяжелых рамах, каждая – выше меня ростом. От вида сводчатого потолка, сплошь расписанного золотом, кружилась голова. Но это великолепие больше не ослепляло. Оно не поглотило меня, как я всегда мечтала. Не могло поглотить, ведь все вокруг было ложью.

Дети из Скарри выстраивались в очереди перед дубовыми

столами в дальнем конце зала. Какой-то мальчишка толкнул меня в спину, когда я замешкалась. Голоса взлетали к высоким потолкам и гулким эхом разносились по огромному пространству, превращая сотню человек в тысячу.

Впереди мальчик вытягивал шею, пытаясь рассмотреть происходящее. Девочка рядом то и дело хватала подружку за руки, причитая, что ее вот-вот стошнит.

– Как думаешь: оно противное на вкус?

– А что, если я не смогу это выпить?

– Я слышала, в прошлом году один мальчик умер прямо на месте.

– А моя сестра говорила, будто молнию глотаешь.

– Следующий!

Они двигались вперед, одетые в свои лучшие, хоть и поношенные, воскресные наряды, с кое-как причесанными волосами и обветренными губами. Когда в последний раз ребенок из Скарри становился искусником? Я не могла припомнить ни одного.

«В последнее время это случается все реже и реже, – говорил мне отец. – Все дело в крови, понимаешь? В тебе нет того, что нужно, чтобы идиум подействовал. Ни единого шанса».

– Следующий!

Я держала руки в карманах, продвигаясь в очереди и поочередно перекатывая в пальцах флаконы, ощущая то гладкую пробку, то шероховатый воск.

Искусник или ремесленник. Выходит, это не судьба, а выбор. Выбор, который казался простым. И смертельно опасным.

– Следующий!

Как бы мне хотелось сейчас увидеть ободряющий кивок Патрика. Как бы мне хотелось, чтобы мама никогда не уезжала.

– Следующий!

Каждый ребенок называл свое имя, вынимал пробку, пил, ждал. Ничего. Их вводили строем по коридорам. Обратном к поезду, который увезет их на северо-восток, навстречу их скромному будущему.

– Следующий!

Я спрятала руки в карманах юбки и за секунду скovyрнула воск с пробки.

– Следующий!

Я шагнула вперед.

За блестящей дубовой столешницей сидел мужчина, на вид не старше двадцати, и изучал длинный свиток. Он даже не поднял головы, когда я подошла.

– Имя?

– Хэрроу. Нина.

Он отметил что-то в списке пером. У меня мелькнула мысль: интересно, как он узнает, какие имена для искусников, а какие – для ремесленников?

– Это мой? – спросила я, протягивая ему флакон.

Мужчина на секунду прищурился.

– А... – протянул он. – Откуда он у тебя?

– На полу валялся, – безразлично ответила я. – Должно быть, из ящика выпал.

Он бросил взгляд на шаткую стопку пустых коробок в стороне.

– Идиум – вещь ценная. Слава Богу, не разбился, – добавила я, многозначительно посмотрев на женщину в туфлях на высоких каблуках. Она, словно ястреб, наблюдала за чиновниками.

– Я... мне нужно убедиться, что дозировка верна. – На лбу у мужчины выступили капельки пота.

– Они ведь все одинаковые, – сказала я. – Правда?

Во мне проснулось внезапное злое желание заставить его признаться. Услышать, как он опровергнет мои слова. Тогда бы я могла указать на него пальцем и закричать на весь зал, что все они лжецы. А потом я бы вернулась в Скарри, и ничего бы не изменилось.

Распорядитель кашлянул, украдкой покосившись на женщину.

– Да... Что ж... пейте, – с ноткой сожаления в голосе произнес он.

Я сглотнула желчь, подступившую к горлу. Было чувство, что я совершаю что-то ужасное, непоправимое. Но в моей душе бушевал шторм, вздымались волны цвета и звука, и я знала, что не остановлюсь. Я вытацила пробку.

Я не собиралась домой.

Я поднесла флакон к губам и выпила все до дна. И стала ждать.

Настойка была маслянистой, холодной, с металлическим привкусом. Она неохотно скользнула вниз по горлу.

Сначала – ничего. Легкое покалывание в груди, может быть. Спазм в желудке.

А потом все изменилось.

Я ощутила, как оседающие пылинки касаются моих щек. Лучи света распались на миллионы нитей, пронзая воздух, пронзая мою кожу. Я чувствовала каждый удар сердца, каждый вздох, каждую мышцу своего тела одновременно, в совершенной гармонии. И цвет. Мир взорвался цветом. Оттенки стали глубже, ярче, они засияли изнутри. Я могла различить каждую каплю синевы на холсте с изображением океана на дальней стене. Я слышала музыку в шуме города за окнами. Я чувствовала, как легко моим рукам будет творить – на пергаменте, на стенах, в камне, дереве и земле.

На одно мимолетное мгновение я ощутила себя всезнающей.

А потом это чувство исчезло.

Я вздрогнула. Моргнула.

– Возьмите каждый предмет в руку, – сказал распорядитель, подталкивая ко мне небольшую деревянную шкатулку. Он снова уткнулся в свой список, не обращая на меня внимания, не подозревая, что человек перед ним только что был

необратимо изменен чем-то священным.

Дыхание сперло. Я больше ничего не слышала. Я протянула руку. Кожа горела в предвкушении.

Чиновник нетерпеливо вздохнул:

– Ну же.

Я сглотнула. Мои пальцы замерли над шкатулкой. Ничего не произошло. Дерево не затряслось. Предметы внутри не покатались ко мне, словно планеты, притягиваемые солнцем. Стакан с водой рядом не дрогнул.

Но внутри меня все дрожало. В кончиках пальцев ощущалась пульсация. Мой разум расширялся, цеплялся за все вокруг, искал.

– Поднимите их, мисс, – сказал чиновник, подталкивая шкатулку еще ближе. Она проскрипела по столу.

От этого движения в воздух поднялось облачко пыли – мельчайшие частицы камней и самоцветов. Я видела каждую крупинку, кружащуюся в неподвижном воздухе, и распорядитель тоже это видел. Он замер, и капля чернил сорвалась с его пера на пергамент.

Пыли становилось все больше. Она поднималась из щелей в плитке, с подошв обуви, из складок одежды. Она врывалась в двери, закручиваясь вихрем. Поднялся шквал, пыль закружилась со всех сторон. Дети закричали, зажмурившись. Чиновники повскакивали с мест, опрокидывая стулья. Голоса утонули в реве бури.

И я чувствовала себя великаном. Богиней. Вселенная

пульсировала вокруг меня.

Что-то в груди лопнуло, как туго натянутая струна, и порыв внезапно утих.

Пыль осыпалась на пол. Нас окутала тишина.

На моей ладони, словно маленький муравейник, лежала небольшая горка пыли. Я улыбнулась ей, на мгновение забыв, где я и кто я. Я ощущала лишь ее невесомость и текстуру. Сколько раз я чувствовала пыль на кончиках пальцев, но никогда прежде это ощущение не взрывало мой разум калейдоскопом образов.

Вдруг послышались торопливые шаги. Стук каблуков – сначала далеко, а потом совсем близко.

Лишь через несколько мгновений я заметила взгляды, устремленные на меня со всех сторон.

И еще больше времени потребовалось, чтобы понять слова, которые они произносили.

Слова, которые я никогда, даже в самых смелых мечтах, не смела отнести к себе.

*Чародейка земли.*

*Чародейка земли.*

– Чародейка земли!



# Глава 8

## Нина



– Чародейка земли, – пробормотал мужчина за столом. Он уставился на флакон в моей руке, словно это была граната с выдернутой чекой. – Искусница, – неуверенно произнес он.

Слово разнеслось по комнате. Оно забило внутри меня. И я улыбнулась.

Мне было всего двенадцать.

Позже эти слова станут моим заклинанием. Колыбельной. *«Тебе было всего двенадцать. Ты не могла знать».*

Чья-то рука схватила меня за плечо, и не слишком нежно. Рядом стояла искусница на высоких каблуках. Я попыталась вырваться, но ее пальцы были как тиски. Она натянуто улыбнулась.

– Как чудесно, – произнесла она достаточно громко, чтобы все слышали, а затем потащила меня за собой.

Я споткнулась о собственную юбку, роняя за собой крупицы пыли.

Она провела меня мимо столов, по длинному коридору, мимо ряда картин. Мы свернули, и только тогда она отпустила мою руку, оставив меня в пустом коридоре без выхода.

Мы были одни.

– Твое имя.

Она была строгой во всем: гладко зачесанные черные волосы, четко очерченные губы, острый подбородок, тонкий нос. Высокая и худая, с руками, оплетенными венами. Она смотрела на меня в ожидании ответа.

– Нина Хэрроу. – Никогда в жизни мне не было так страшно.

Женщина, казалось, решала в уме сложную задачу. Ее глаза изучали меня дюйм за дюймом, словно оценивая. Потрепанные носки, потертые туфли, блузка, застегнутая на все пуговицы. Я надеялась, что бант в волосах сидит ровно.

Я надеялась, что подхожу.

Конечно, я не подходила. Меня охватил ужас. Сейчас она скажет, что все это ошибка. Посадит меня на поезд до дома. Без новой дозы идиума все это не будет иметь значения, верно?

Но когда она заговорила, ее голос совсем не вязался с ее суровой внешностью.

– Да поможет тебе Бог, – сказала она, а затем потерла лоб кончиками пальцев.

Она отвернулась, уперла руки в бока и запрокинула голову. Некоторое время она что-то шептала себе под нос. До меня долетали лишь обрывки фраз, и все они начинались со слова «как». Я не смела ее прервать. Казалось, она все еще пыталась решить некое уравнение. Сумма из девочки из Скарри и чародейки земли.

Когда она наконец снова повернулась ко мне, ее лицо опять стало непроницаемым.

– Я Фрэнсис Лайзел, – сказала она. – А ты – Нина Кларк. Я нахмурилась:

– Я...

– С этого момента, – Фрэнсис Лайзел подошла ближе, нависая надо мной, – ты Нина Кларк. Кларк. Нины Хэрроу больше не существует. Ты родилась в Соммерленде, а не в Скарри. Твоя мать была моей сестрой, искусницей, плотником. Ее звали Грета Лайзел. Твоего отца звали Фредерик Кларк, он был ремесленником из Соммерленда. Они оба мертвы.

Ее слова сыпались одно за другим. Говоря, она постоянно оглядывалась через плечо.

– Повтори, девочка.

– Но я...

– Слушай меня внимательно, – настояла она, наклонившись так, что ее нос почти коснулся моего. – Это очень важ-

но, понимаешь? Ты должна делать, как я говорю.

Уже тогда я все поняла. Опасность, казалось, исходила от самой женщины, пропитывая воздух в коридоре.

– Произошла ошибка, – сказала она. – Ошибка, которую нельзя исправить.

Я почувствовала облегчение. Женщина-ястреб не считала, что ошибка была моей. Я не виновата.

– ...С тобой все будет в порядке. Но только если ты будешь делать, как я говорю. Только если ты никому и никогда не проболтаешься об этом разговоре.

– Да, – сказала я и покачулась. Коридор поплыл перед глазами.

– Ты Нина Кларк. Скажи это.

– Я Нина Кларк. – Мой подбородок задрожал. Предчувствие беды вернулось.

– Ты родилась в Соммерленде.

– Я из Соммерленда.

– Твоя мать – Грета Лайзел.

– Моя мать была... была...

– Ты моя подопечная.

– Я ваша подопечная.

Фрэнсис Лайзел положила свою длиннопалую руку мне на плечо.

– Когда я буду обращаться к тебе, ты будешь называть меня тетя Фрэнсис. Крайне важно, чтобы ты это запомнила.

– Тетя Фрэнсис. – Я кивала как заведенная. – Да.

– Пообещай мне.

– Обещаю.

– Если ты забудешь, Нина Кларк, – предупредила тетя Фрэнсис, – нас обоих навсегда изгонят из этого города, а то и хуже. Ты этого хочешь?

Господи, нет, я не хотела.

Сначала меня отвели в соседнюю комнату для того, что Фрэнсис Лайзел назвала «регистрацией». В моем воображении этот момент представлялся более торжественным. В реальности же была лишь раскрасневшаяся женщина с бисеринками пота над верхней губой. Она держала железное клеймо в углях камина, а затем на четыре мучительные секунды прижала его к внутренней стороне моего запястья. Я закричала, вцепившись зубами в кожаный ремень. Тетя Фрэнсис держала меня.

На обожженной коже проступило пузырящееся изображение эмблемы искусников – профиль Идии с закрытыми глазами, ее волосы развевались, образуя почти замкнутый круг.

Вот и все.

Дети-искусники садились в кареты, ожидавшие у парадного входа, но все уже уехали, кроме одной. Здесь фасад здания сиял чистотой, без всякого известкового налета. Улица за подъездной дорогой была заполнена зеваками, которые махали руками и платками, когда меня вывели наружу. Они радостно приветствовали меня. Желали удачи. Да здравствует Белавер. Карета была черной, лошади – белоснежными.

Кучер-ремесленник снял передо мной шляпу.

Это были единственные детали, которые я смогла вспомнить позже, сидя одна в общежитии Национальной Школы Искусников, сжимая перевязанную руку и едва веря, что я здесь, на этой узкой кровати, в незнакомой комнате.

Утром я надену ученическую форму, что уже ждет меня в шкафу. Слепо последую за другими такими же, как я, первокурсниками с еще свежими клеймами в столовую, а затем на общее собрание. Я буду сидеть в амфитеатре с высокими сводчатыми окнами и дубовыми партами. Профессор расскажет нам о школьных правилах, расписании, занятиях, а затем укажет на большой угольный рисунок на стене – сложную диаграмму терраниумной руды.

Профессор скажет:

– Мы начнем с самых аздов.

Я буду сидеть среди своих сверстников, которые то и дело будут бросать на меня косые взгляды, и впервые в жизни мечтать о том, чтобы вернуться домой, в Скарри.

По вечерам я буду лежать без сна в этой маленькой безликой комнате, не в силах сомкнуть веки. Я буду призывать пыль с канделябра, с узкого подоконника, из-под кровати и смотреть, как она танцует у меня на ладони.

В кармане старой юбки, висящей в шкафу, будет лежать флакон, который лишь притворялся идиомом.

Тем временем в забытом шахтерском городке далеко на севере поползут слухи о подтасованных результатах Отбора.

*Его Превосходительству главе Национального Дома  
Искусников лорду Дж. Таннеру  
От директора Национальной Школы Искусников  
проф. Г. Дамли*

*Милорд,*

*В нынешний, 535-й год Отбора, наш великий Белавер  
приветствует двести шестьдесят шесть новобранцев  
в стенах нашей Национальной Школы Искусников.*

*Самым волнующим событием, безусловно, стало  
появление истинной чародейки земли! Нина Кларк, чье  
появление стало для нас полной неожиданностью,  
числится в наших реестрах как дочь мистера и миссис  
Фредерик Кларк из Соммерленда. К несчастью, оба  
покойные.*

*Компанию Нине Кларк составит чародей воды  
Теодор Шоп, чей отец является членом Вашей Палаты  
Лордов. Какое благословение – принять в стены нашей  
Школы сразу двух чародеев в один год!*

*В этом году Отбор также принес нам немалое  
число плотников и кузнецов. К сожалению, вынужден  
сообщить, что среди новобранцев не оказалось  
ни одного алхимика. Хотя эта новость может  
показаться удручающей, я надеюсь, что в ближайшие  
годы мы станем свидетелями возрождения алхимиков  
и их древнего искусства.*

*Да здравствует Белавер,  
проф. Г. Дамли*

*Мисс Нине Кларк*

*От Его Превосходительства главы Национального  
Дома Искусников лорда Дж. Таннера*

*Мисс Кларк,*

*С величайшей радостью я узнал, что новая чародейка земли была принята в нашу прославленную Школу Искусников. Этим письмом я хотел бы официально приветствовать Вас в наших рядах. Я надеюсь, что годы, проведенные под опекой наших мастеров, станут для Вас плодотворными и полезными.*

*Прошло немало времени с тех пор, как чародей Вашей стихии осенял своим даром эту страну, и, хотя Ваш путь только начинается, я преисполнен восторга при мысли о том, как много Вы могли бы сделать для своих соотечественников.*

*Должен признаться, я с большим интересом ознакомился с историей Вашего происхождения, мисс Кларк.*

*Я был неплохо знаком с Вашими матерью и отцом. Достаточно хорошо, я полагаю, чтобы помнить: боги так и не подарили им ребенка. Прошу, примите мои запоздалые соболезнования.*

*Я очень рад, что Вы наконец вышли из тени. В конце концов, мисс Кларк, чародейка земли – это чудо, на которое стоит посмотреть.*

*А что до ребенка сомнительного происхождения, от которого мне мало проку? Что ж, такому ребенку*

*место в Скарри.*

*Я буду внимательно следить за Вашими успехами.*

*Да здравствует Белавер.*

*Искренне Ваш,*

*лорд Джеффри Таннер*



# Глава 9

## Нина



Я сидела в последнем ряду на уроке минералогии. Там я меньше бросалась в глаза. Моей соседкой была девочка по имени Полли Прескотт. Писарь из Лавноншира, с красивыми теплыми глазами, темными волосами и кожей и безвольным, вечно дрожащим подбородком. Я старалась садиться рядом с ней, когда была возможность; мы были единственными детьми из Грани на нашем курсе.

Профессор, миссис Кромли, описывала свойства различных металлов, пока мы делали записи.

– Большинство считает терраниум ценнейшим из металлов, и он, безусловно, заслуживает самого пристального изучения. Лишь в залежах терраниума содержится искомый на-

ми идиум. Но терраниум также содержит и блафф. Внешне оба вида руды почти неотличимы, но идиум можно опознать по голубоватому отливу, в то время как блафф черен, как смола, и не обладает магическими свойствами. Однако при осторожном разбавлении он ускоряет заживление, а в чистом виде действует как мощное успокоительное.

Это описание блаффа, по-моему, было слишком сухим. Хотя медицинский блафф и впрямь творил чудеса, в больших дозах он был смертельно ядовит. Состоятельные искусники могли позволить себе немедицинский блафф, чтобы на время отключиться от реальности. На Грани же чистый блафф был роскошью, недоступной простому ремесленнику. Там его смешивали с опийной настойкой и таволгой. Шахтеры в Скарри порой спускали недельную зарплату на одну дозу этой дряни. Их потом находили на улице – с почерневшими губами и стеклянными глазами.

– Что еще более любопытно, – продолжала миссис Кромли, – терраниумная руда – самая хрупкая из всех. При неумелом обращении она рассыпается в прах, а при контакте с жидким идиумом портится. Конечно, наша «Книга Белавера» гласит, что Богиня намеренно создала руду такой, дабы защитить идиум от нечестивцев. Извлекать идиум и блафф могут только алхимики.

Билли Холлоуэй с первой парты подал голос:

– Но ведь алхимиков почти не осталось. Что будет, если они все умрут до того, как появятся новые? У нас закончится

идиум?

Остальные ученики выпрямились, их юные глаза расширились от тревоги и устремились на преподавателя. Миссис Кромли была доброй женщиной. Она мягко улыбнулась:

– Нам не стоит беспокоиться о том, что нам неподвластно. Бог пошлет нам то, в чем мы нуждаемся, когда придет время.

Класс успокоился, умиротворенный ее словами, и я позавидовала способности учеников верить.

Письмо, спрятанное между листами пергамента, жгло мне карман. Письмо, написанное рукой, которая, как я теперь считала, узурпировала волю самого Бога. Я слишком боялась оставить его в своей комнате – вдруг кто-нибудь найдет. Слишком боялась сжечь – вдруг меня застанут за этим занятием или обнаружат пепел. Оно всегда было при мне. Каждый раз, когда я садилась или наклонялась, пергамент шуршал, и я вспоминала лорда Таннера с его мелкими зубами и обвисшими брылями. Неужели всего несколько недель назад я с восторгом смотрела на него из толпы? Теперь меня мутило от одного его имени.

Рядом со мной хихикнул мальчик. Когда я повернулась, он и его приятель тут же отвели глаза, давясь смехом. Один из них показал мне ладонь. В центре, размазанное от пота, было выведено слово «червь».

Так они меня теперь называли. Никогда в лицо, но я все равно слышала шепотки в коридорах и уборных. Несколько раз я находила живых червей у себя в кровати, в ботинках,

в тарелке с ужином. Каждый раз крик застревал у меня в горле. Я поклялась себе не плакать. Я избавлялась от этих тварей с каменным лицом.

Полли прозвали Кальмаром – не слишком оригинально для писаря. Ее наказанием за то, что она родилась в семье ремесленников, были вечно испачканные чернилами одежда, простыни и листы пергамента. Казалось, не проходило и одного урока, чтобы какой-нибудь маленький гаденыш «случайно» не опрокинул чернильницу ей на колени.

Будь мы в Скарри, я бы раскроила им черепа и потопталась по их костям. Но это была Национальная Школа Искусников, и дети здесь предпочитали мучить исподтишка, куда более изощренно. Так что я лишь представляла, как выбиваю им зубы, но не делала этого. Полли же просто сидела молча, тихо снося все унижения, и ее маленький подбородок вечно дрожал.

Я старалась не замечать насмешек. Вместо того чтобы размахивать кулаками, я считала в уме, пытаюсь успокоиться.

В этот момент дверь в класс распахнулась, и в проеме появился не кто иной, как сам профессор Дамли. До этого дня я не видела директора Школы Искусников. Он не появился даже на общем собрании для первокурсников. Но вот он здесь, на моем уроке минералогии, и его взгляд тут же нашел меня.

Это был мужчина с двойным подбородком и пергаментной кожей, усыпанной старческими пятнами. Я бы дала ему

лет семьдесят, но ему могло быть и все сто. Он мог быть ровесником самой Школы. И он определенно держался в этой комнате так, словно сами эти стены были возведены вокруг него и ради него.

Не то чтобы он выглядел угрожающе. Напротив, его глаза добродушно блеснули, когда он меня заметил и поманил пальцем, словно я намеренно от него пряталась.

– А вот и та юная леди, которую я надеялся застать, – сказал он.

Письмо у меня за поясом, казалось, вот-вот вспыхнет. Я чувствовала, как оно обжигает кожу. «Он ведь увидит, правда? Как оно прожигает дыру у меня в боку?»

Но Дамли лишь повернулся к миссис Кромли:

– Я также ищу Теодора Шопа.

– Здесь, сэр, – откликнулся мальчик. Он встал с первого ряда и вежливо кивнул.

Другой чародей. Тот самый мальчик, которого я видела на Церемонии Отбора. Я замечала его на уроках, в коридорах и общих залах. Чародея воды не презирали за уникальность. Напротив, он словно притягивал к себе людей, и нетрудно было понять почему. Темноволосый, кареглазый, светлокожий, он был подобен маяку даже в тени. Некоторые люди, я знала, просто рождаются с таким внутренним светом. Он просачивался наружу и манил к себе. Даже его улыбка – сдержанная и вежливая – источала обаяние, которое трудно было игнорировать. Другие ученики тоже были

ухожены и держались с достоинством. Но в то время как их манеры казались напускными, Теодор Шоп нес свое высокое положение с легкой скромностью, как нечто само собой разумеющееся.

– Ах да! Что ж, миссис Кромли, прошу прощения за вторжение, но не позволите ли вы мне забрать этих двоих на оставшуюся часть урока?

Сомневаюсь, что хоть кто-то в комнате воспринял это как вопрос.

Дамли повел нас по сводчатым залам с картинами маслом, вверх по винтовой лестнице на этаж, где я еще не была. Мы прошли мимо эркеров с видом на сады и внутренний двор, мимо бюстов прежних директоров, к двойным дверям, так искусно вырезанным, что плотник, создавший их, должно быть, ослеп от напряжения. Это была Битва за Белавер, запечатленная в дереве. Сотня всадников, мечи и пламя – все устремлялось к центру траншеи.

– Боже мой, – вырвалось у меня, когда я разглядела гравировку на рукоятях мечей, изгиб бровей Идии, ярость в ее немом крике.

– Впечатляет, не так ли? – радостно сказал Дамли, протягивая руку к ручке. – Вырезано триста лет назад человеком по имени Валино Фердинанд. Он умер на следующий день после завершения работы, представляете? Какая потеря.

Он распахнул двери и жестом пригласил нас войти. Теодор ждал, заложив руки за спину. Он кивнул мне:

– После вас.

Я вошла, опасливо оглядываясь, ожидая, что он подбросит мне за шиворот дохлого червя.

– А почему он умер?

– Ну, – протянул Дамли, подходя к паре роскошных мягких диванов, – в его последней дневниковой записи говорилось, что он верил, что уже никогда не сможет превзойти самого себя, что он достиг вершины мастерства. Он написал: «Если лучшее из моих творений уже создано, то ради чего мне теперь жить?» И его сердце не выдержало.

Дамли опустился на один диван и жестом пригласил меня и Теодора занять другой. Между ними стоял столик на тонких ножках с ожидающим нас фарфоровым чайным сервизом.

– Безусловно, жизнь не сводится лишь к сумме наших творений, – легко сказал Теодор. Он сел на почтительном расстоянии от меня. Интересно, кто научил его так говорить? Четко и уверенно. Без протяжных гласных или заминок. Его осанка тоже была идеальной. Он не пялился на фарфор, портреты или фреску на потолке, как я. Я вдруг почувствовала себя ужасно ущербной.

– Ах, но разве не к этому мы все стремимся, юный Теодор? К вершинам своего мастерства?

«Да», – подумала я. Даже сейчас я чувствовала этот зуд, это стремление к чему-то большему, лучшему. Я почесала шею, пытаясь избавиться от этого наваждения.

– Даже если это может нас погубить, – продолжил Дамли, – разве мы не желали бы этого все равно?

Я никогда не думала о желании в таком ключе – что именно само стремление поглощает человека, а не его цель.

– Кажется, слишком высокая цена за пару красивых дверей, – ответил Теодор, но его глаза сияли, и это смягчило насмешку, – какими бы изысканными они ни были.

– Верно, сынок, верно. И все же любой поэт посоветовал бы вам найти страсть, столь же яркую и всепоглощающую, как у нашего друга Валино.

Он смотрел не на Тео. Он наблюдал за моими пальцами, царапающими шею.

– Знаете, – сказал он, – однажды я нарисовал фреску для девочки, в которую был по уши влюблен. Признаюсь, я не самый искусный художник, но я трудился над ней день и ночь и в итоге счел ее своим триумфом! Конечно, именно такие моменты и подводят нас к краю пропасти, не так ли? Я был так горд. И тем ужаснее было, когда я разломал ее на куски голыми руками.

Я была слишком ошеломлена, чтобы скрыть свое изумление.

– Что? Почему?

– Моей дорогой музе не понравилось. – Дамли рассеянно пожал плечами. – Она сказала, что работа безжизненная и лишена динамики.

Я посмотрела на Теодора, он – на меня, и мы обменялись

недоуменными взглядами.

– В любом случае, – продолжил профессор, беря чайник с подноса, – на нашей первой встрече нам следует говорить о менее мрачных вещах.

– Первой, сэр? – спросил Теодор.

– Ах, конечно! Мне следует объясниться. – Чайник с грохотом опустился на место. Профессор развел руками, словно готовясь поведать великую тайну. – Я решил взять на себя ваше частное обучение! – Он хлопнул себя по коленям и широко улыбнулся.

Теодор кашлянул.

– Частное? – уточнил он. Мы снова обменялись недоуменными взглядами. – Это... это обычная практика?

– Вовсе нет, – усмехнулся Дамли. – И, признаюсь, я давно не вел занятий, но с двумя новыми чародеями в одном наборе я не удержался от соблазна лично приложить руку к вашему прогрессу.

Его улыбка все еще выглядела доброй. Ничто не указывало на то, что эта встреча была чем-то иным, кроме того, чем казалась. И все же...

*«Я буду внимательно следить за Вашими успехами».*

– Профессор? – осторожно спросила я, размышляя, не лучше ли промолчать, но, если я хотела спать этой ночью, да и любой другой, мне нужно было знать. Я попыталась подражать интонации Теодора. – Это как-то связано с... лордом Таннером?

Я почувствовала, как взгляд Теодора метнулся от Дамли ко мне, но я не отводила глаз от профессора. Я хотела уловить хоть тень реакции. Но улыбка Дамли лишь стала шире.

– Но как вы догадались, мисс Кларк? – Он снова усмехнулся. – Это была идея самого лорда Таннера! И вы оба должны быть польщены, что он уже проявил к вам такой живой интерес. У нас было много чародеев воды, мистер Шоп, но я никогда не видел, чтобы Палата Лордов была так взволнована!

По какой-то причине улыбка Теодора слегка померкла.

– Мой отец министр, профессор, – объяснил он. – Вероятно, лорд Таннер почувствовал некое родство.

Дамли отмахнулся от этого предположения:

– Лорд Таннер видит потенциал, мистер Шоп. Не стоит себя принижать. Чародей – ценная добыча. Уж я-то знаю.

С этими словами Дамли махнул рукой в сторону камина, и в нем вспыхнул огонь, без дров и растопки. Пламя просто парило в нескольких дюймах от чистой плитки. Директор весело рассмеялся, его подбородки затряслись.

– Конечно, мы не самые скромные создания, не так ли? А что до прекрасной юной леди, которая заставила нас всех замереть от восторга!

Он протянул руки, словно ожидая, что я брошусь к нему в объятия. Я не сдвинулась с места.

– Чародейка земли! Первая за более чем сто лет. Откуда же, о, откуда вы взялись, юная Нина?

– Из Соммерленда, – тут же выпалила я слишком громко.

Лишь через несколько секунд я поняла, что вопрос был риторическим.

– Подумать только! – усмехнулся он. – Фермерский городок, если я не ошибаюсь?

– Овцы, – сказала я. Я позаботилась о том, чтобы изучить свой «родной» город, как только нашла обширную библиотеку Школы. – И скот. Шерсть, кожа и мясо.

Профессор Дамли вежливо кивнул, изображая интерес, словно я была младенцем, указывающим на что-то совершенно обыденное. Я смутно задалась вопросом, что бы он сказал о терраниумных шахтах Скарри.

Теодор и я сидели на диване, пили чай и слушали болтовню профессора Дамли об исследовательском обучении, которое нам предстояло. Он рассказывал нам истории о своих годах ученичества и о том, как стал директором. Его руки танцевали в такт речи, жесты становились все шире, и в комнате становилось все жарче и жарче, пока я не почувствовала, что задыхаюсь, отчаянно желая сбежать.

– А теперь нам действительно следует уделить внимание сегодняшнему уроку, – сказал он с легким укором, словно мы с Теодором сами его отвлекали. – Скажите, мистер Шоп, вы уже экспериментировали со своей стихией?

Тео покраснел. Это было довольно мило.

– Нам не разрешается использовать наши способности без присмотра на первом курсе, профессор.

– Охо-хо! – рассмеялся Дамли. – Но никто же не знает,

что происходит за закрытыми дверями общежития, верно? Я тоже когда-то был учеником, не забывайте.

Тео усмехнулся, а затем сказал:

– Я могу поднимать небольшие объемы воды, но мне еще не удавалось придать им форму.

– Но левитация – это уже очень серьезно! – воскликнул Дамли. – Не покажете?

И он открыл крышку чайника, жестом приглашая Тео действовать.

Тео на мгновение замешкался, затем, бросив взгляд в мою сторону, подвинулся к краю дивана и вытер руки о брюки.

– Мне просто?..

– Не бойтесь навести беспорядок, – заверил его Дамли.

Тео кашлянул и, чуть помедлив, поднял ладони. Чайник деликатно задрожал, готовый опрокинуться, но тут из носика выплыла капля жидкости, а за ней еще одна – из-под крышки. Руки Тео тряслись. В воздухе медленно заплясал дрожащий, меняющий очертания шар из чая. Он провисел так одно мгновение, паря над сервизом под бурные аплодисменты профессора Дамли, а затем дрогнул и плюхнулся вниз, разлетевшись брызгами по ложкам и блюдам.

Дамли восторженно рассмеялся и захлопал в ладоши. Через мгновение я тоже зааплодировала. Было бы невежливо не присоединиться. Тео, слегка запыхавшись, откинулся на спинку дивана с улыбкой до ушей.

– Поразительно, не правда ли? – спросил Дамли, не сводя

с Тео восхищенного взгляда. – Это чувство?

Тео кивнул, его руки все еще дрожали.

– С этим ничто не сравнится.

Дамли подмигнул:

– Некоторые сказали бы, что за это и умереть не жалко. –

Он еще раз хлопнул в ладоши, качая головой в изумлении. –

Какой же в вас дремлет талант! – Затем он повернулся ко

мне: – Но я не забыл и о вас, моя дорогая. – Он поманил меня

пальцем, затем встал и подошел к пыльному комоду, взяв с

него большой глиняный кувшин.

Он с грохотом опустил его на чайный столик, и мы с Тео-

дором подпрыгнули.

– Вот! – сказал он, словно преподнес драгоценный дар. –

Только что сам набрал в розарии.

Кувшин был наполовину полон темной влажной земли. Я

чувствовала ее запах даже отсюда. Уже ощущала ее текстуру,

словно у моего разума были собственные пальцы, под ногти

которых забивалась земля.

– А вы, мисс Кларк? Уже пробовали?

Я сцепила пальцы.

– Немного.

– Что ж, не стесняйтесь юного Теодора. Все мы с чего-то

начинаем. – Он посмотрел на меня добродушно, уже отки-

нувшись на спинку дивана, полный сочувствия. – Знаете,

многим ученикам требуется немало времени, чтобы просто

заставить свою стихию левитировать. Когда я был мальчиш-

кой...

Но договорить он не успел.

Земля поднялась из кувшина, и у Дамли отвисла челюсть.

За то недолгое время, что я «баловалась» со своим даром, я поняла главное: мой разум – это продолжение моих рук. Я почувствовала знакомое расширение, мой разум развернулся, устроившись в размерах. Я ощутила землю так, словно держала ее в ладонях. Я чувствовала, как она просеивается сквозь пальцы и крошится. Влажная, тяжелая. Податливая. Мои руки задрожали.

Сначала я сжала ее, превратив в парящую передо мной планету, сгладив ее края до почти идеального шара, а затем заставила вращаться. Мне еще не доводилось работать с такой податливой землей. Затем я превратила сферу в куб, потом в воронку, в маленький смерч, и, наконец, я подняла все эти частички земли выше, выше, пока они не повисли под сводчатым потолком, как тысячи грязных звезд.

Я знала, что Дамли и Тео, как и я, вскочили на ноги и теперь смотрят на созданную мной галактику. А потом мой разум дрогнул, давление стало невыносимым – резинка натянулась до предела. И лопнула.

Земля дождем посыпалась на пол, на диван, в чайные чашки. Она стучала по голове Дамли, цеплялась за его усы. Его глаза были прикованы ко мне.

– Ну, – только и мог вымолвить он. – Ну, ну, ну... – Казалось, он пришел к какому-то грандиозному выводу.

Он оглядел свою гостиную, свой испачканный ковер. Я вдруг почувствовала себя ужасно глупо.

– П-простите, – пролепетала я, неловко махнув рукой в сторону чайного столика. – За беспорядок.

На лице Дамли медленно расплылась ухмылка.

Я услышала, как Теодор пробормотал какое-то ругательство. Совершенно на него не похоже.

Затем Дамли подошел ко мне. Он взял мое лицо в свои сухие, как пергамент, ладони.

– Боже мой, – выдохнул он. И рассмеялся. – Идия благоговела нас. – Мне показалось, я увидела слезы в его глазах, когда он взял мои руки и похлопал по ним. – Каким же вы будете для нас сокровищем! – Его грудь тяжело вздымалась. Он повернулся к Тео. – Каким же ценным приобретением вы оба станете.

Час спустя Теодор закрыл за нами эти искусно вырезанные двери, а нам в спину все еще неслись восторженные прощания Дамли.

– Ну, – произнес Теодор. Он вытащил из кармана два носовых платка. – Наш директор – тот еще чудака.

Может, это жара, расплывшаяся под кожей, или абсурдность всей этой встречи сделала свое дело, но из меня вырвался смешок, а за ним еще один.

– Вот, – сказал Теодор, протягивая мне платок.

Я с радостью взяла его и вытерла пот с шеи. Теодор сделал то же самое. Я снова хихикнула, то ли от облегчения, что

меня не выгнали из Школы, то ли от какой-то лихорадочной эйфории.

– Думаешь, в классе заметят, что мы все мокрые?

Теодор ответил не сразу. Когда я снова посмотрела на него, его взгляд был прикован ко мне. Он с интересом прищурился.

– Откуда, говоришь, ты родом?

И тут я поняла, что расслабилась. Меня выдал акцент.

– Соммерленд, – сказала я, стараясь четче выговаривать согласные. Письмо у меня на бедре вновь обожгло кожу.

– Хм, – протянул он. – Это ведь недалеко от Грани?

– Достаточно близко. – Я надеялась, что мой голос снова звучит ровно и гладко.

– У тебя почти северный говор, – заявил он, легко улыбаясь.

«Восточный», – хотелось мне поправить.

– Я всегда хотел побывать на Грани, – продолжил он, и узлы в моем животе немного ослабли. – У тебя там много друзей?

– Нет.

Он нахмурился и жестом пригласил меня спуститься по лестнице первой.

– А здесь ты нашла новых? Мне показалось, сегодня за завтраком ты сидела одна.

Он бы заметил, как я покраснела, если бы мои щеки уже не пылали от жары.

– Немного.

У меня возникло странное желание рассказать ему про насмешки в коридорах и червей в моей кровати, но я распознала жалость в том, как он отвел глаза, и вдруг поняла, что он и так все знает.

– Садись со мной, – предложил он. – Когда захочешь.

Моя ответная улыбка вышла кривой.

– Не боишься найти червей в своей тарелке?

Он побагровел, и это было красноречивее любых слов.

– Спасибо, Теодор, – пробормотала я, – но я в порядке.

Коридоры заполнялись учениками, все как один в своей темно-синей форме искусников. Теодор не обращал на них никакого внимания.

– Я настаиваю. Только перестань называть меня Теодором. Просто Тео.

– Тео, я правда...

– Пойдем, – сказал он и просто взял меня за руку.

И, словно по волшебству, частичка его света перешла ко мне. С этого момента так и повелось: Тео вел меня сквозь толпу учеников, а я купалась в лучах его славы.

Впереди меня ждали жаркие гостинные, безумные директора и обещание страстей, достаточно сильных, чтобы поглотить. Достаточно сильных, чтобы убить.



# Глава 10

## «Траншейная трибуна»



### СЛУХИ О ЗАБАСТОВКАХ НА ГРАНИ

Из северных шахтерских городков поступают сообщения о возможной забастовке после третьего за три дня обрушения шахты на континенте, а также взрыва газа в Кентон-Хилле, унесшего сотни жизней. Информацию предоставил анонимный писарь, который якобы направил донесение в Палату Лордов, сообщив о ряде несанкционированных собраний и даже о подозрениях в создании профсоюза для защиты прав ремесленников. Эти сведения совпадают с другими слухами неизвестного происхождения, распространяющимися в северных и восточных провинциях, которые ставят под сомнение легитимность Церемоний Отбора Белавера. Шепотки намекают на возможную связь между этими обвинениями и созданием так называемого Союза Шахтеров.

Однако почтенный лорд Таннер заверил

нашего репортера, что весь этот шум, по его словам, – «полная чушь». «Церемония Отбора – это священный религиозный ритуал, соблюдаемый на протяжении сотен лет. Сама мысль о том, что Отбор идиума мог быть каким-то образом искажен, абсурдна и, откровенно говоря, является бредом отчаявшихся. Только Идия может наделить человека магическими способностями, и идиум неспособен проявить то, чего нет».

Достопочтенный лорд также выразил свои глубочайшие соболезнования всем скорбящим после недавних трагедий. «Вечная память душам, что покинули нас. И да здравствует Белавер».

\* \* \*

Слова «Кентон-Хилл», казалось, прямо-таки выпрыгнули со страницы. Они гулким эхом отдавались у меня в голове на протяжении всех уроков, где успехи мои были, прямо скажем, средними, за исключением частных занятий с директором Дамли.

Шел мой второй год в Школе Искусников. Теперь я говорила без своего скаррийского акцента, почти не задумываясь.

От отца я так и не получила ни одной весточки. Должно быть, он понял, что я стала искусницей, когда я не вернулась домой в тот день. Интересно, пытался ли он послать мне ве-

сточку через писаря? Должно быть, пытался, но тот, конечно, не смог найти никакую Нину Хэрроу.

Это Тео передал мне записку за завтраком.

Я шла к дому тети Фрэнсис до комендантского часа, сжимая газету в руке. Она жила недалеко от Школы, сразу за Национальным Домом, где работала в казначействе, чеканя монеты из никеля вместе со множеством других кузнецов. В это время ночи улицы были тише, их наполняла музыка, что доносилась из окон и разносилась легким ветерком. Насекомые стрекотали в такт, вода журчала в своих желобах – Белавер-Сити всегда жил в полной гармонии. Всякий раз, когда я выбиралась на выходные, я вспоминала, почему так отчаянно стремилась сюда. За школьными стенами это было не так очевидно.

Тетя Фрэнсис сама открыла мне дверь. Ее положение кузнеца было недостаточно высоким, чтобы позволить себе слуг, но ее дом был прекрасен. Он был скромно обставлен изысканной мебелью, которую она называла семейными реликвиями. Будучи последней из рода Лайзел, тетя Фрэнсис превратила свое жилище в музей артефактов, на которых мне было не по себе сидеть или есть.

Она не была из тех женщин, что обнимают или даже слишком широко улыбаются. Казалось, она никогда не была особенно рада меня видеть, и все же доказательства обратного имелись. Когда я приходила, на столе всегда ждала тарелка с пирогом и дымился чайник. Она внимательно осматривала

меня с головы до ног, прежде чем вспомнить, что нужно пригласить гостью войти, словно искала следы обид. Она всегда, всегда задавала тысячу вопросов о моих уроках, о моих отношениях с другими учениками, о любой корреспонденции, которую я могла получить от лорда Таннера.

Я никогда не рассказывала ей о письме.

Я прошла по ее аккуратным ковровым дорожкам на кухню.

– Ты больше не набрасываешься на пирог, – заметила она. – Слава небесам.

Я выдавила из себя слабую улыбку. Я не сказала ей, что это потому, что я больше не боюсь остаться голодной или что где-то между двенадцатью и тринадцатью годами я распрощалась с детством.

Мы сели. Она посмотрела на меня в упор, а я уставилась на свои пальцы.

– Как твои уроки? – начала она, а затем выпрямилась еще больше, хотя это казалось уже невозможным. – Ты хорошо продвигаешься с профессором Дамли?

– Да.

Чародейство земли, как я узнала, – это вопрос веса и масштаба. Чем больше нужно было сдвинуть, тем труднее становилось. Профессор Дамли говорил, что магия – это мышца, которая станет сильнее с практикой. И я делала успехи – думаю, даже бóльшие, чем он мог себе представить. Но в целом я боялась, что я всего лишь диковинка. Если бы не тот

факт, что я была единственным живым человеком, способным повелевать землей, я, вероятно, не имела бы никакого значения. Но я была чародейкой земли, и этот титул приносил мне больше похвал, чем я того заслуживала.

– Ты завела новых друзей? – спросила тетя Фрэнсис, и ее глаза сузились.

– Несколько, – солгала я.

– А... мистер Шоп?

– Он один из них.

Она слегка покачала головой и глубоко вздохнула.

– Я часто вижу его отца, знаешь. В газетах. Большинство считает, что он будет следующим в очереди, если лорд Таннер когда-нибудь оставит свой пост.

Я кивнула. Сглотнула. У меня возникло внезапное и смешное опасение, что она может запретить мне общаться с Теодором.

– Он ничего не знает, – сказала я ей. – Клянусь.

Тетя Фрэнсис побледнела. Обычно мы соблюдали негласное правило не упоминать об обмане даже друг с другом, словно сам лорд Таннер подслушивал под окнами.

– В любом случае, похоже, Палате Лордов чародейка земли нужнее, чем восстановление справедливости, – заметила она.

– Тогда неважно, кто мои друзья.

Щеки тети Фрэнсис вспыхнули. Она резко встала. На одно безумное мгновение я представила, как она бросается через

стол и хватает меня за воротник, и вся сжалась. Но она этого не сделала.

– Послушай меня, Нина. – Ее голос был все еще низким, хоть и дрожал. – Теодор кажется хорошим мальчиком. Я знаю, что он был... добр к тебе. Но факт остается фактом: его отец – человек очень влиятельный, а такие люди не любят обманщиков. Особенно когда их находят в компании своих детей.

«Обманщица, – подумала я. – Неужели это я?» Слово больно кольнуло.

– Если я обманщица, то не все ли мы здесь такие? Я лишь воспользовалась тем же, чем и вы все.

Тишина. На этот раз тетя Фрэнсис отвела глаза. Мы зашли на опасную территорию. Но я рискнула.

– Нас учат, что все имеют право на идиум, но лишь немногие способны извлечь из него магию. Теперь я знаю, что это неправда. Но значит ли это, что все остальное – тоже ложь?

Грудь тети Фрэнсис начала тяжело вздыматься, ее глаза метались к окнам и дверям.

– Пожалуйста, – взмолилась я. – Я только хочу понять, и я больше никогда об этом не спрошу. – Я подвинулась так близко к краю стула, что он зашатался.

Тетя Фрэнсис сжала кулаки, закрыла глаза и, наконец, села. Она казалась старше.

– Я не знаю ответов, Нина. И, по правде говоря, знать не хочу. Я знаю лишь то, что нам сказали, когда я заняла

эту должность. – Она вздохнула. – Остальное я додумала сама. Думаю, когда-то, скорее всего, очень давно, все граждане имели возможность принимать идиум... и это закончилось очень плохо.

Я нахмурилась:

– Как?

Тетя Фрэнсис покачала головой.

– Ты очень молода. Возможно, слишком молода, чтобы представить, что происходит, когда оружие разрушения попадает не в те руки. Но я верю, что однажды это привело нашу нацию к войне.

Я нахмурилась.

– Битва за Белавер – единственная война в нашей истории, – возразила я. – И она велась против захватчиков. Других народов.

Тетя Фрэнсис пожала плечами:

– Мы знаем об истории лишь то, что записано. А летописи легко потерять или переписать. Я не могу знать наверняка. Но факт остается фактом: в какой-то момент наши лидеры решили, что будет лучше, если власть окажется в руках лишь тех, кому можно доверять.

Я задалась вопросом: как они решали, кому можно доверять? По каким критериям нас судили? Какой лорд когда-либо отправлялся на восток, в Скарри например, чтобы найти там образцы добродетели? А потом я подумала о том, что бы он там нашел, – орду озлобленных, брызжущих ядом шахте-

ров. Что бы такой человек сделал с властью, скажем, поведовать огнем?

Тетя Фрэнсис продолжила:

– Большинство детей искусников тоже становятся искусниками, как мы все знаем. Ложь в том, чтобы заставить население поверить, что дело в родословной. Например, у родителей с каштановыми волосами, скорее всего, родится такой же ребенок, но может родиться и блондин. Генеалогию трудно предсказать. Это обеспечивает удобную лазейку, понимаешь? Когда высокородные родители совершают преступление или как-то иначе позорят себя, их ребенок, как правило, становится ремесленником, несмотря на поколения искусников в роду. И наоборот, дети тех ремесленников, чьи семьи хорошо служат Палате Лордов, становятся искусниками, иногда даже первыми в своей семье. Если в один год рождается мало искусников, то в следующем мы увидим всплеск детей с Грани, чудесным образом получивших дар.

– Ты считаешь это правильным? – спросила я ее, чувствуя жжение в горле. – Что лишь немногие счастливицы, немногие «доверенные» должны жить такой жизнью?

Интересно, ступала ли она когда-нибудь на Грань? Представляла ли она себе хоть отдаленно, какие улицы и дома она найдет в Скарри?

Тетя Фрэнсис колебалась. Ответ, казалось, давил ей на грудь.

– Нет, – наконец сказала она тихо. – Я уверена, что это

несправедливо. Но... – Она посмотрела на меня серьезно. – Палата Лордов обязана защищать нашу нацию от внешних врагов и от самой себя. И я невольно задумалась: а не важнее ли это того, что правильно и справедливо?

Я почувствовала, что мы стоим на противоположных краях пропасти; я балансировала на краю, желая ее пересечь, но не могла.

Я подняла газету, все еще туго свернутую, и развернула ее на столе.

– Тео дал мне это, – сказала я, указывая на статью на первой полосе.

Тетя Фрэнсис с отвращением уставилась на нее.

– Да, я читала.

– На моей Церемонии Отбора был мальчик. С севера.

Ее голова с любопытством наклонилась.

– Он... ну... он был со мной в тот день. Когда мы нашли флаконы. Только он...

– Он уехал домой, – догадалась тетя Фрэнсис. – На север, ты сказала?

Я уныло кивнула. Я думала о лице Патрика Колсона, о его нежных руках и измученных глазах. Редко выдавался день, когда я не думала о нем. Я начала одержимо рисовать его лицо, боясь его забыть. Я помнила, как он сунул эти флаконы мне в карман, поцеловал меня в щеку и шепнул на ухо, что у меня своя голова на плечах.

– Как ты думаешь... – заикаясь, начала я с бешено коло-

тящимся сердцем, – возможно ли, что это он начал распространять эти слухи?

Тетя Фрэнсис закусила большой палец. Она бессознательно жевала его, глядя на свою кухню, погруженная в бурные мысли.

– Этот мальчик... – сказала она в конце концов. – Как его звали?

Было что-то в том, как она это сказала. В этой напускной небрежности. Это заставило меня запереть его имя глубоко внутри.

– Я не знаю.

Кажется, я была лучшей актрисой, чем тетя Фрэнсис. Я нахмурилась, изменив голос. Она выглядела слегка умиротворенной, словно я только что избавила ее от какой-то неприятной задачи.

– Ну, даже если это и был он, он всего лишь мальчик. Слухи утихают.

«Но эти слухи – правда, – подумала я. – А разве правда в конце концов не выходит наружу?»

– Что до профсоюза, – продолжила тетя Фрэнсис. Она произнесла слово «профсоюз» с таким видом, будто это было верхом нелепости. – Любая группа, не получившая одобрения Палаты Лордов, обречена на провал. Если такая и существует, я уверена, виновных быстро найдут.

Я ничего не сказала. Лицо Патрика Колсона плыло у меня перед глазами, отказываясь исчезать.



# Глава 11

## «Траншейная трибуна»



### ТАННЕР ОТКЛОНЯЕТ ТРЕБОВАНИЯ СОЮЗА ШАХТЕРОВ

Демонстрация, прошедшая в Бэймуте в прошлом месяце, не оставляет сомнений в существовании в северо-восточных провинциях диссидентов, именующих себя «Союзом Шахтеров». Это событие произошло после того, как Палата Лордов более года упорно отрицала существование подобного движения. Ремесленники всех мастей вышли на улицы Бэймута, на несколько часов парализовав работу в городе. Эта забастовка, по заверениям Союза, стала лишь первой в длинном списке акций протеста, о которых стало известно нашему уважаемому репортеру.

Полицейское управление Бэймута отказалось от комментариев, что породило слухи о том, что стражи порядка намеренно бездействовали во время демонстрации.

«Любые действия, направленные на поддержку или сотрудничество с любой преступной организацией, будут сурово наказаны Высшей Палатой Белавера», – заявил достопочтенный лорд Таннер в своем последнем обращении. На вопрос об обвинениях в махинациях с идиумом лорд Таннер не дал никаких комментариев, лишь напомнив нашему репортеру, что обвинения против Палаты расцениваются как акт государственной измены.

Несомненно, забастовки пришлись на тяжелое для правящего лорда время, с учетом того, что добыча терраниума находится на рекордно низком уровне. Лорд Таннер не сделал никаких заявлений относительно продолжающегося дефицита руды.

Союз Шахтеров обещает новые забастовки в ответ на отказ Палаты удовлетворить его требования, включавшие повышение заработной платы и референдум по Церемониям Отбора. Что касается времени и места проведения этих акций, они остаются столь же неуловимыми, как и сам Союз, чьи лидеры и штаб-квартира до сих пор не установлены.

## **ДАНЬ ПАМЯТИ ПОЧИВШЕГО АЛХИМИКА**

Прославленный алхимик Лестер Брикем мирно скончался во сне на прошлой неделе. Об этом сообщили его жена и пятеро детей, которые простились со своим любимым на похоронах, почтенных присутствием всей

Палаты Лордов. Брикем, в возрасте 78 лет, был одним из трех последних алхимиков в Белавер Тренч. Его смерть вызвала волну беспокойства по всей стране, поскольку Палата сообщает, что на последнем Отборе не появилось ни одного нового алхимика.

Газетные листы расплзлись по столу в гостиной профессора Дамли. В камине ревел огонь. У меня за воротником собирался пот. Директор напевал себе под нос, разливая ед-ва заваренный чай.

– Полагаю, Палата Лордов начинает нервничать, – сказала я вслух.

Когда Дамли вопросительно посмотрел на меня, я указала на газету.

Тео кашлянул рядом и бросил на меня предостерегающий взгляд. Я едва сдержалась, чтобы не показать ему язык.

Наш третий год учебы изменил его. Он стал намного выше, плечи – шире. На подбородке и над верхней губой пробился первый пушок. Я с удовольствием подтрунивала над ним по этому поводу, когда выпадала возможность, и повод находился часто. Благодаря неусыпному вниманию к нам профессора Дамли мы регулярно бывали вместе в этой гостиной или отправлялись на вылазки в город в поисках своих стихий.

Взгляд Дамли скользнул по газете.

– О, ничуть, – пробормотал он, собирая листы, а затем поджигая их прямо в руке. Огонь, казалось, никогда его не

обжигал.

Я хмуро уставилась на обугленные остатки.

– Но они ведь должны теперь серьезно отнестись к Союзу Шахтеров?

Тео усмехнулся.

– Ты слишком много беспокоишься, Кларк. Отец говорит, Таннер в конце концов бросит им кость, и они уползут обратно в свои норы копать терраниум, – сказал он так, словно речь шла о крысах, роющихся в отбросах. – В любом случае какой толк в союзах, если они не найдут новых алхимиков? Скоро мы все станем кучкой ремесленников.

– Ну-ну, – вмешался профессор Дамли. – Это едва ли подходящий разговор для классной комнаты, не так ли?

Пусть весь антураж «классной комнаты» и состоял из чайного сервиза и картины с обнаженной женщиной в полный рост.

– У меня сегодня для вас сюрприз, – продолжил Дамли. – Видите ли, сегодня утром я получил записку от одной весьма уважаемой особы!

Раздался стук, и, прежде чем профессор Дамли успел подойти к дверям, они распахнулись, и вошел сам лорд Таннер. Его улыбка растянулась, брыли затряслись. Мой обед подскочил к горлу.

– Милорд, – произнес Тео, как и положено, склонив голову.

Мужчина был выше, чем я его помнила. Крепче. Не про-

сто сосуд, вмещающий власть, а сама гора власти. Гостиная почему-то съежилась, стала не такой величественной.

– Дамли. Как поживаешь, старина? – бросил он, не глядя на профессора, и оскалил зубы в ухмылке, впиваясь в меня пронзительным взглядом, пока пожимал руку Тео.

«Он знает, кто ты», – подумала я, и мне отчаянно захотелось выбежать из комнаты.

– Прошу, извините мисс Кларк, – вмешался профессор Дамли, умоляюще глядя на меня. – Я совершенно не подготовил ее к вашему визиту, милорд. Она растерялась.

Только тогда я вспомнила, что должна встать, сделать реверанс и пробормотать приветствие.

– Прошу прощения, – пролепетала я, путаясь в юбке.

Я встала и неловко присела в реверансе – впервые в жизни.

– Вероятно, из-за жары, – сказал лорд Таннер, кивнув мне. – Боже правый, Дамли, ну и духота у тебя. Уверен, сам дьявол держит свою гостиную в большей прохладе.

Дамли щелкнул пальцами, и огонь в камине тут же погас.

– Я ее почти не чувствую, – весело отозвался он. – Боюсь, с возрастом я стал совсем холоднокровным. Чай, милорд?

– Молоко и сахар, будьте добры. – И он занял место Дамли, прямо напротив меня.

Казалось, лорд поглотил собой все пространство. Пока Дамли безмятежно напевал, заваривая чай, Таннер скрестил ноги и откинулся на спинку дивана со странной, хищной гра-

цией, не сводя с меня глаз. Мне стало не по себе.

– Вы будете рады услышать, милорд, что мисс Кларк и мистер Шоп за последний месяц добились огромных успехов, – вставил Дамли, передавая Таннеру чашку и не обращая внимания на то, как расплескалось ее содержимое. – Мы славно веселимся, правда, дети? Да вот, мы с Ниной только вчера отправились на пшеничные поля за городом и за час вспахали целое поле!

Лорд Таннер произнес:

– Подумать только. – Но его интерес был явно наигранным.

– А способности мистера Шопа уже превосходят умения наших чародеев воды с шестого курса!

– Его отец будет в восторге, – сказал лорд Таннер. – Не проходит и дня, чтобы лорд Шоп не напомнил мне о своем блистательном сыне.

Тео слабо улыбнулся:

– Это очень любезно, сэр.

– Полагаю, вы хотели бы увидеть это сами! – воскликнул Дамли, вскакивая со своего места. – Мы могли бы...

Но лорд Таннер поднял руку:

– Позже, Дамли. Мой визит будет недолгим. Не хочу отвлекать этих двоих от учебы.

Он осушил свою абсурдно маленькую чашку и поставил ее, причмокнув губами. Мне казалось, будто его взгляд сдирает с меня кожу.

– Уверен, учитывая все разговоры в городе, вы оба наслышаны о создании профсоюза, возглавляемого разгневанными ремесленниками.

Я замерла. Я никогда не слышала, чтобы кто-то из профессоров или даже тетя Фрэнсис поднимали тему забастовок на Грани. Напротив, казалось, они были полны решимости игнорировать ее. Словно признание ее существования делало ее реальной.

Тео и я обменялись мимолетными взглядами. В последние месяцы мы только об этом и говорили. Склонив головы над газетами в его комнате после отбоя, мы размышляли о последствиях забастовок.

– Так... значит, это правда? – спросил Тео, снова оказавшись смелее меня.

Лорд Таннер принял задумчивый вид.

– В этом-то и вопрос, не так ли? Существует ли на самом деле профсоюз, если он прячется в тени? Боюсь, как бы эта кучка головорезов себя ни называла, она еще не предстала перед Палатой Лордов и не назвала своего лидера. И пока этого не произойдет, они будут лишь призраками, сеющими смуту среди хороших людей. Людей, которые пострадают от последствий их преступлений, если они действительно начнут бастовать.

Я сглотнула, надеясь, что мой голос не выдаст нервозности.

– Возможна ли... еще одна забастовка?

– В этом-то и заключается сложность моего положения, мисс Кларк, – сказал он. – Всегда нужно быть готовым к непредвиденным обстоятельствам, какими бы невероятными они ни казались. – Я с трудом понимала, к чему он клонит. – Палата Лордов абсолютно убеждена, что эта толпа скоро разбежится, но я был бы глупцом, если бы не держал порох сухим, не так ли? – Он развел руки в сторону Тео и меня, словно мы были драгоценными клинками в его коллекции.

Тео нахмурился:

– Мы порох, сэр?

– Все мы, мистер Шоп, – со смехом ответил Таннер. – Всем искусникам придется сплотиться, если до этого дойдет. А вы двое обладаете величайшими дарами Индии. Несомненно, она сочла вас достойными использовать их во благо нашего великого Белавера.

– Я не понимаю, – сказала я.

– Тогда позвольте мне выразиться прямо, мисс Кларк. – Мне показалось, что он сделал слишком сильный акцент на имени Кларк. – Иногда ремесленники, когда они недовольны, перестают работать и немного шумят. Немного шума легко подавить. Но иногда писк превращается в оглушительный рев, который заглушает голос разума. Часть моих обязанностей – обеспечивать мир и тишину, мисс Кларк. Теперь вы меня понимаете?

«Кивни», – приказала я себе и так и сделала.

– Я сделаю все возможное, чтобы подавить этот шум, если

потребуется. И, как хороший лидер, я должен быть уверен, что у меня есть для этого средства. У искусников есть средства. У вас есть средства.

– У меня, сэр?

– Наша нация, народ Белавер Тренч, имеет то преимущество, что является... ну, траншеей. Национальностью, окруженной горами. Богатой, плотной землей. Вы понимаете, о чем я, мисс Кларк?

– Я... да.

– Если обстоятельства сложатся неблагоприятно, – и тут его взгляд переместился на Тео, – столице потребуется ваша помощь.

Тео нахмурился, его челюсти напряглись.

– Конечно, милорд, – сказал он.

Таннер повернулся ко мне:

– Вы бы сделали все необходимое, чтобы защитить этот город, не так ли?

Я сглотнула и попыталась подражать тону Тео:

– Конечно.

Лорд Таннер улыбнулся:

– Замечательно. А теперь почему бы вам двоим не показать мне, на что вы способны?

После этого мы с Тео стали для Дамли и Таннера цирковыми артистами. Мы чародействовали, пока наши ладони не стали липкими, а веки – тяжелыми. Таннер не произнес ни слова, пока представление не закончилось.

– Весьма впечатляюще, – бросил он. – Как вы и говорили, Дамли.

Несмотря на скупую похвалу, Дамли, казалось, был в восторге.

Таннер встал, вытаскивая из нагрудного кармана два конверта. Он вручил по одному мне и Теодору.

– Это специальное разрешение, позволяющее каждому из вас получать ежеквартальную дозу идиума в аптеках.

Теодор и я с опаской переглянулись. Теодор кашлянул.

– Ежеквартально, милорд? По закону нам разрешено принимать идиум лишь раз в полгода.

– Если иное не предписано специальным разрешением, – произнес Таннер, тонко улыбаясь. – Я знаю закон, мистер Шоп. Лучше, чем большинство, я полагаю.

– Зачем? – вырвалось у меня прежде, чем я успела себя остановить, смягчить тон. Но я плотно сжала губы и стала ждать ответа.

Таннер надел пиджак.

– Чтобы порох всегда был сухим, мисс Кларк.

И он ушел.



# Глава 12

## Нина



На четвертом курсе Школы Искусников я сидела одна на темной галерке театра, тайно наблюдая за репетицией спектакля.

Я не могла спать. Уже три ночи сон ускользал от меня. Я устала лежать неподвижно и ждать, когда тело успокоится, но оно не успокаивалось. Голова тоже не утихала, сколько я ей ни приказывала. Она снова и снова прокручивала в памяти звяканье бокалов и тихие разговоры на ужине у лорда Шопа. В конце концов эхо этих монотонных голосов стало невыносимым. И вот я здесь, высоко на красных бархатных сиденьях, наблюдаю, как муштруют этих прекрасных исполнителей.

Завтра мне исполнится шестнадцать.

С каждым годом становилось все легче верить, что я родилась искусницей и что Скарри – это лишь угасающий сон. Меня беспокоило, что я уже не могла точно вспомнить цвета, которыми бы нарисовала свой родной город. Меня терзали бурные мысли. Они кружились, кружились и кружились...

– Кларк?

Я подпрыгнула. В конце прохода виднелся силуэт – еще один призрак в темноте.

– Тео?

Я знала его фигуру и голос лучше, чем чьи-либо еще.

Он подошел ко мне, согнувшись в три погибели, хотя на нас никто и не смотрел.

– Не спится? – прошептал он, садясь рядом. Свет сцены отражался в его темных глазах.

– Нет.

– Мне тоже. – Он пригладил волосы – новая привычка. Я замечала, как он, проходя мимо любого отражения, проверял, в порядке ли его прическа.

Мы сразу же погрузились в уютное молчание. С ним было легко. Я проводила с Тео больше времени, чем с кем-либо другим. Мы были искусниками. Люди поговаривали, что мы встречаемся, даже наши самые близкие друзья.

Он стал намного выше меня, и, если присмотреться, в нем уже проступали черты взрослого мужчины. Его скромная вежливость сменилась уверенностью в себе, иногда да-

же переходящей в шумную браваду. Он с удовольствием демонстрировал свое мастерство друзьям, под восторженные аплодисменты создавая в воздухе фигуры из воды в их стаканах.

Я же тем временем оставалась тихой, хотя и выросла по своему. Мои губы стали полнее, а щербинка между передними зубами уже не казалась такой большой. Мои грудь и бедра округлились, талия стала тоньше, а ноги уже не походили на костлявые палки. Я стала совершенно другой.

Рука Тео иногда по-хозяйски ложилась на мое плечо в столовой, где мы сидели за одним столом с друзьями, и мне было стыдно за то, с каким трепетом я ждала этого прикосновения и как пусто становилось, когда он убирал ладонь.

Тео толкнул меня плечом:

– Что не дает тебе спать, Кларк? – Его тон был легким, но в нем слышалась и настоящая забота.

Я поморщилась.

– То же, что и всегда, – солгала я. – Вулканический осадок.

Он усмехнулся. На его левой щеке появилась глубокая ямочка. Трудно было не заметить, какой он красивый.

– А ты почему не спишь? – спросила я, скрестив руки на груди. Я надела шерстяной свитер, прежде чем покинуть общежитие, но вдруг остро осознала, что под ним на мне только ночная рубашка.

– Сегодня приезжал отец, – со вздохом сказал он. – Хотел обсудить предложение – «возможность», как он это назвал, –

работать в его кабинете, а затем и в Палате Лордов по окончании нашего обучения.

Мои брови поползли вверх.

– Тео! Это же потрясающе.

– Да. Только вот чувствуется это не так потрясающе, как звучит.

– Почему? – мягко спросила я. – Твой отец – Лорд Палаты. Ты – чародей. Логично, что тебе предложили должность.

Он на мгновение замолчал, а затем выдал:

– Он сказал, что тебе предложили то же самое.

Я замерла. Я не была готова к этому разговору. Я еще не разобралась с этим.

– Предложили? – спросил он, терпеливо ожидая ответа.

Я сдалась и кивнула:

– На ужине. От лорда Таннера.

Ужины с лордами и леди Национального Дома стали чем-то регулярным в прошлом году. Ни Тео, ни я их особенно не любили.

– Первая женщина в истории, – с благоговением произнес он. – Это поразительно.

– Только это я и слышу, – проворчала я. – Какая я поразительная, выдающаяся, само совершенство.

Он усмехнулся.

– Большинство людей были бы счастливы такой похвале.

– Вот только все это не про меня, – поспешно сказала я. – Я неплохо рисую, хорошо танцую. Я могу нарисовать при-

личный портрет, построить отличный замок из песка...

Он фыркнул.

– Неважно, насколько я была бы хороша, даже в чародействе земли, – они бы хвалили меня точно так же.

Тео на мгновение замолчал, затем вздохнул.

– Ты примешь эту должность? – Казалось, он отчаянно ждал моего ответа, словно от него зависел и его собственный.

Я лишь нахмурилась:

– Мне не оставили выбора.

Он, казалось, удивился моей реакции, и в этом заключалась вся разница между Теодором Шопом и мной. Он заерзал на месте.

– Знаешь, быть лордом не так уж и плохо, если бы ты была леди. – Он посмотрел на мои губы. – Мы могли бы помочь. Мы могли бы что-то изменить. Белаверу нужно прогрессивное мышление, – сказал он, нежно и нерешительно коснувшись моей щеки кончиками пальцев.

Ток прошел от его кожи к моей.

– Министры, которые работают с ремесленниками. Министры, которым не сто лет.

Я фыркнула, позволяя своему лицу утонуть в его ладони.

– Мы могли бы это сделать, Нина, – сказал он. – Мы могли бы что-то изменить.

Мне нравилось, как он говорил «мы». Но Тео лишь сочувствовал простым ремесленникам; он не знал того, что знала

я.

– Я не скажу «да», если ты не скажешь «да» вместе со мной.

Мое сердце забилося чаще. Я почти согласилась прямо там, на месте.

Вместо этого я смотрела в его прекрасные глаза и перестала дышать.

И он преодолел этот последний, ничтожный дюйм, что разделял нас.

Его губы оказались на моих, его пальцы – в моих волосах, и я думала, что он прав и прекрасен и он – все, на что могла надеяться такая, как я. И на мгновение я поверила ему. Вместе мы могли бы склонить великие весы Белавер Тренч.

Пробила полночь.

Мне исполнилось шестнадцать.



# Глава 13

## Нина



По всему Белавер-Сити, в каждом доме, вспыхнуло одно и то же послание:

*Нападение на Белавер-Сити неминуемо.*

*Немедленно покиньте город и укройтесь в полях.*

*По приказу Союза Шахтеров.*

Эти слова посеяли панику, которую Палате Лордов до сих пор с таким трудом удавалось сдерживать. Но Палата отрицала самую необходимость каких-либо действий. Прошло восемь дней, и город, казалось, стряхнул с себя оцепенение и вернулся к привычной жизни. «Очередная пустая угроза от Союза Шахтеров, – решили люди. – Презренные головорезы. Зараза, которую нужно выжечь каленым железом».

Я держала в руках «Траншейную Трибуну», и со страниц газеты на меня смотрела искусно нарисованная карикатура. На ней было лицо мужчины с широким, расплюсченным носом, усыпанным бородавками. Глаза-бусинки, живот вываливается из-за пояса. Губы приоткрыты, обнажая гнилые пеньки зубов. Художник даже добавил капельки слюны, брызжущие изо рта мужчины. На лысой голове – залатанная рабочая кепка, съехавшая набок. В руке он держал отрубленную голову лорда Таннера, изо рта которой торчала зажженная динамитная шашка.

«Ремесленник наших дней», – гласила подпись.

Жестокий шарж, но, быть может, не такой уж далекий от истины. Эта карикатура могла бы быть портретом моего отца, или мельника из Скарри, или смотрителя шахты, или трактирщика. Если бы только живот не был таким огромным, а щеки – такими пухлыми. Намек на то, что ремесленник может позволить себе так обжираться, заставил меня усмехнуться. Но лоб моего отца морщился точно так же, когда он напивался. И угрожал он вещами похуже, чем обезглавливание правителя. В Скарри все так делали.

Приметы ремесленника были подмечены верно, но причину большинство искусников предпочитало игнорировать. Ремесленники рождались в нищете. Их родители часто умирали молодыми. Дети с малых лет работали за гроши, сталкиваясь с опасностями, о которых искусники и не слыхивали. Они лечились от травм, от увечий, от осознания того,

что завтрашний день не принесет ничего лучшего, и, если им везло дожить до старости, они в конечном итоге растили своих собственных голодных детей. Так поколение за поколением из сломанных судеб и строилась Грань.

Я скомкала газету в шар и отшвырнула ее в сторону, хотя это не помогло унять дрожь. Заголовки все равно вспыхивали перед глазами, стоило мне моргнуть.

СОЮЗ ШАХТЕРОВ ПРОДЛЕВАЕТ ЗАБАСТОВКУ  
НА ШЕСТУЮ НЕДЕЛЮ

ГОЛОД НЕИЗБЕЖЕН ИЗ-ЗА НЕХВАТКИ  
ТЕРРАНИУМА

ОБВИНЕНИЯ В МАХИНАЦИЯХ С ИДИУМОМ  
ЗВУЧАТ ПОВСЕМЕСТНО

ПРОСЛАВЛЕННЫЙ АЛХИМИК МИРАНДА  
МИЛАНИ СКОНЧАЛАСЬ ОТ ГРИППА

ПОСЛЕДНИЙ АЛХИМИК, ДОМЕЛИУС БЕККЕР,  
СКРЫВАЕТСЯ

Но никаких имен или конкретных мест. Лишь туманные намеки на северо-восток, города Грани или шахтеров в целом.

Я с трудом сглотнула. Сжала кулаки.

Через несколько часов я окончу Национальную Школу Искусников, и, как и в тот роковой день Отбора, по спине пробежал мороз грядущей катастрофы. Я снова стала той двенадцатилетней девочкой, охваченной ужасом, когда тетя Фрэнсис схватила меня за руку.

Она будет сегодня в зале, когда я буду читать свою клятву верности и получать свиток – подтверждение моего статуса чародейки, моей стихии земли и моего высокого академического ранга. И тогда я официально стану искусницей. Кем-то, кто существует за пределами этих стен.

Быть может, в этом и был корень моего ужаса.

Я задавалась вопросом, и не в первый раз, вытащила бы я тот флакон из кармана тогда, шесть лет назад, если бы знала то, что знаю сейчас. Если бы знала, что слухи о подлоге разойдутся по рекам и каналам, достигнут городов, населенных ремесленниками; если бы знала, что страна окажется на пороге революции. Если бы я знала тогда, что уготованная мне роль в грядущей гражданской войне – быть ее главным орудием, возможно, я бы все-таки выбрала участь ремесленника.

Потому что тот тихий ропот, о котором когда-то говорил лорд Таннер, теперь превратился в рев, даже если он и притворялся, что не замечает его.

Я завязала на шее церемониальную накидку – она идеально сочеталась с синим цветом моей юбки, моих чулок, поддельного идиума на дне моего сундука. Она развевалась чуть ниже локтей, не скрывая клеймо искусника на моем предплечье – яркую, вздувшуюся красную Идию с ее развевающимися волосами.

Вся моя жизнь была упакована в раздутый чемодан рядом со мной. Скучное имущество: одежда, обувь, дневники, эс-

кизы. Его погрузят в карету и отвезут в неизвестное место. Место, куда меня скоро отправят, как только я получу свое назначение.

«Убежище будет лишь временным, – сказал мне лорд Таннер в гостиной Дамли. – Чародейка земли – весьма ценный актив, мисс Кларк. Многие захотят заполучить его. Мы ведь не хотим, чтобы эти мятежники добрались до вас, не так ли? Лучше переждать, пока пыль уляжется».

Интересно, будет ли Домелиус Беккер, последний выживший алхимик континента, ждать меня в этом «убежище»? Ведь мы оба теперь – единственные в своем роде.

Сколько времени потребуется, чтобы «пыль улеглась»? Мне казалось, что пыль сгущается в надвигающуюся бурю. Город задыхался от последствий забастовок. Еда в столовой становилась все скуднее – фермеры бросали поля и не возвращались. Поставки прекратились. Уголь выдавали по карточкам. Даже блафф стало трудно достать, ведь остался лишь один алхимик, способный его извлекать. Ходили слухи, что следующую Церемонию Отбора отложат – запасов идиума почти не осталось.

Мне казалось, что даже облик города дал первые трещины перед неминуемым падением, и все же лорды занимались своими делами, словно земля не уходила у них из-под ног.

«Это лишь мера предосторожности. Темные времена скоро закончатся, – заверил меня вчера профессор Дамли. – И с вашей помощью в Палате Лордов – подумать только, чаро-

дейка земли! – Союз Шахтеров может с таким же успехом сразу сложить оружие».

Я думала о тех лордах, с их полированными столами и тонкими фарфоровыми чашками, и задавалась вопросом, действительно ли им нужна моя помощь. Я думала о тех шахтерах, так отчаянно стремящихся вырваться из жизни, которой я сама едва избежала. Я думала об этой Школе, которую полюбила, каждый уголок которой был произведением искусства. Я думала об обрушивающихся шахтах и детях, оставленных побираться на улицах. Я думала о мальчишке из Кентон-Хилла с голубыми глазами, и мне было интересно, выжил ли он, или его постигла та же участь, что и большинство мужчин, рожденных на Грани.

Я думала об исчезновении. Я мечтала об этом почти каждую ночь.

Я размышляла, пока голоса, лица и заголовки раскачивались в голове, точно маятник, и череп, казалось, вот-вот расколется на части.

Затем я проколола шляпку булавкой и вышла из комнаты, до крови кусая внутреннюю сторону щеки.

\* \* \*

Театр был переполнен, и мне стало грустно от мысли, что я покидаю его навсегда. Лепной потолок был украшен херувимами, розариями и райскими вратами. Я слышала, как

лучшие оперные певцы изливали здесь свои голоса, видела, как балерины взлетали в воздух и приземлялись на кончики пальцев. Я слышала симфонии, стихи и крики мальчика в костюме, изображающего горе.

В бархатном зале за кулисами я слушала нарастающий гул голосов зрителей за занавесом. Шум поднимался над декорациями и светом и находил нас, ожидающих учеников, готовых стать выпускниками. У меня по коже пробежали мурашки.

Юношей и девушек разделили. Традиция, говорили они, чтобы джентльмены шли первыми. Я подозревала, что дело было не в традиции. Женщин здесь не всегда привечали.

– Нина?

Я подпрыгнула, сердце заколотилось о ребра. Тео возник рядом, его пальцы тут же сомкнулись на моих.

– Ш-ш-ш, – прошептал он, метнув взгляд на распорядителя, отмечающего имена в списке. – Пойдем со мной.

И, как последняя дура, я последовала за ним, а сердце замирало от надежды.

Мы дошли до угла, где коридор изгибался, уводя к гри-мерным. Он прислонился плечом к стене, не отпуская моей руки. Мои пальцы покалывало от его прикосновения.

– Я хотел... пожелать тебе удачи, – торопливо сказал он. – И попрощаться, наверное.

Надежда угасла. Тео, я была уверена, видел, как она утекает из меня. Его глаза проследили за тем, как опустились

мои плечи. У меня не хватило сил скрыть свое разочарование. Все внутри заныло.

Прошли недели с тех пор, как он застал меня в саду и сказал, что все изменилось. Что он передумал. Что ему очень жаль.

Я не понимала, почему ему не больно. Прошли недели, а мне все еще было невыносимо.

– Что ж, – произнесла я. Голос был чужим. – Тогда прощай.

Он вздохнул и отвернулся, и наконец-то, наконец на его лице отразилась та же мука, что я чувствовала. Он крепче сжал мою руку, его глаза были закрыты.

– Так будет лучше, Кларк.

– Правда?

Он грустно улыбнулся:

– Боюсь, что да.

– Это тебе отец сказал? Или мать? – осмелилась спросить я. Слова притаились и готовились вырваться каждый раз, когда я проходила мимо Тео в коридорах.

Он нахмурился:

– Нам всего по восемнадцать. Если... через два года мы все еще будем чувствовать то же самое друг к другу...

– Чего ты хочешь, Тео? – прервала я его, потому что, несомненно, он хотел чего-то большего, чем просто пожелать удачи и попрощаться.

Его взгляд смягчился.

– Кларк, я... просто хотел убедиться, что ты в порядке.

– Я в порядке.

– И что нет никаких обид.

У меня вырвался безрадостный смешок.

– Нет никаких чувств. Ты это ясно дал понять.

Он застонал и потер лицо рукой.

– Ты играешь нечестно, Кларк. Я никогда такого не говорил. Ты мой лучший друг. Я... – Что бы он ни хотел сказать, слова застряли у него в горле. – Ты знаешь, чего от меня ждет отец. К чему я готовился. Я уезжаю в Торнтон на следующей неделе и не вернусь два года. Я не хочу, чтобы ты меня ждала.

Это было правдой. Сам лорд Таннер настоял на том, чтобы Тео провел время на южных каналах с самыми прославленными чародеями воды. Огромная честь. Хотя я подозревала, что лорд Шоп просто хотел убрать своего единственного сына из города, пока здесь неспокойно, и заключил с кем-то сделку.

Тео тихо застонал и подошел ближе. Каким-то образом за последние несколько недель он стал еще красивее. Каждая девушка в этом зале согласилась бы со мной.

– Ты знаешь, что я о тебе забочусь, Нина. – Его рука легла мне на щеку, а затем скользнула в мои волосы. – Что бы ты обо мне ни думала, – прошептал он мне на ухо, – знай, что я этого не хотел.

Я почувствовала, как моя броня медленно тает, но не до

конца. Ходили слухи, что он уже нашел мне замену.

– Если ты хочешь, чтобы я пришел за тобой, когда вернусь, – мягко сказал он, поворачивая мое лицо к своему, – тогда скажи, и я приду.

Разве не этого я желала всем сердцем?

Он видел, как мечутся мои мысли, и, не дождавшись ответа, помрачнел. Его губы опустились на мои, так же мучительно сладко, как я и боялась. Мои руки нашли его грудь, затем лацканы пиджака. Его руки обняли меня за талию и притянули к себе.

– Нина! – Шипение раздалось у меня за спиной, и оно ужасно походило на голос тети Фрэнсис.

Я обернулась и увидела, как она с яростью смотрит на Тео, который теперь стоял, сцепив руки за спиной.

– Здравствуйте, мисс Лайзел, – сказал он с небрежной улыбкой.

– Вернитесь на свое место, мистер Шоп, – бросила она.

Она проводила Тео взглядом, его рука задержалась на моем плече на секунду дольше, чем нужно, прежде чем он ушел.

Тетя Фрэнсис сократила расстояние между нами, ее суровые черты казались еще более резкими в тусклом свете.

– Этот мальчишка, – сказала она, и ее пальцы поднялись, чтобы заправить выбившиеся пряди мне за ухо, – вцепился в тебя мертвой хваткой.

Я покачала головой:

– Больше нет.

– Хорошо, – сухо произнесла она. – Мальчишки любят играть с сердцами, как с игрушками. Особенно сыновья лордов. Я тебе говорила.

Это напоминание было не столько о титуле, сколько о нелегитимности моего собственного статуса. Фальшивые родители. Фальшивое имя.

– Я знаю.

– Вот и хорошо, – скороговоркой произнесла тетя Фрэнсис. – Вот и все. Мальчика отправят в Торнтон, а тебя будут ждать в Палате Лордов, пока они... готовятся.

Это после того, как она окутала меня лживыми уверениями.

«У этих так называемых ренегатов на Грани нет ни единого шанса, – говорила она мне. – Что они могут сделать против тех, кто обладает нашими способностями? Они были бы дураками, если бы попытались».

Я поморщилась. Я знала, что те, кто на Грани, – дураки и им было нечего терять.

Тетя Фрэнсис увидела мое выражение лица и вздохнула.

– Теперь пути назад нет, Нина. Это твоя сторона, – сказала она без улыбки. – У тебя исключительный талант – ты удивила даже меня. Нечего бояться.

Только тогда я заметила блеск пота на ее лбу, напряженные жилы, проступающие из-под кружевного воротника.

Внезапно в пространстве раздалось слова профессора

Дамли, говорящего о верности и служении своим соотечественникам.

– Пойдем, – сказала она, с трудом сглотнув. – Тебя сейчас вызовут.

Я кивнула, хотя ужас вернулся, медленно закручиваясь во моем животе во всепоглощающую спираль.

– Тетя Фрэнсис...

– У нас нет времени, – отрезала она и провела меня за угол.

Очередь медленно продвигалась к занавесу. С каждым сантиметром мне становилось все хуже.

– Нина Кларк. Чародейка, стихия – земля. Высший ранг, – прогремело у меня в ушах.

Раздались легкие аплодисменты, за которыми последовал гул любопытства. Я сделала глубокий вдох, раздвинула занавес и вышла на свет.

Сцена была широкой и овальной, спускающейся к жемчужным ступеням, уже заполненным выпускниками. Они ждали, повернув головы, чтобы посмотреть на меня. Проекторы светили сверху, золотые и ослепляющие. Они согревали мою кожу и превращали зрительный зал в темную бездну. Аплодисменты стихли, когда я пересекла сцену, шурясь в попытке разглядеть за светом кафедру, где стоял профессор Дамли.

Он добродушно улыбнулся, его глаза блеснули гордостью. Он протянул руку, когда я подошла, и посмотрел на зрите-

лей, словно представляя произведение искусства.

«Смотрите, – казалось, говорил он. – Смотрите, что я со-  
здал».

Я пожалала его горячую руку и взяла свиток. Я склонила го-  
лову, как мне было велено, и почувствовала настоящую па-  
нику.

Зрители снова заплодировали, не подозревая, что я –  
эпицентр надвигающейся бури.

И, словно мой внутренний трепет передался доскам, сце-  
на под ногами задрожала. Сначала я подумала, что мне по-  
казалось. Но дрожь не прекращалась. Она усиливалась. Зда-  
ние застонало. Быстрое приглушенное крещендо переросло  
в чудовищный рев. Зрители повскакивали с мест и закрича-  
ли. Они давили друг друга, спускаясь по проходам.

Затем земля под нами содрогнулась.

Все рушилось, словно карточный домик. Земля, казалось,  
вздымалась, как живот великана, а затем проваливалась,  
звук становился до боли пронзительным. Я закричала, уви-  
дев, как выпускники на ступенях падают, и Тео посмотрел  
на меня, закрыв уши руками, его глаза вылезли из орбит от  
ужаса.

Занавес, прожекторы и декорации трещали и поочередно  
падали.

*«Нападения на Белавер-Сити неминуемы».*

Союз Шахтеров пришел.

Прожекторы лопнули и взорвались.

Тетя Фрэнсис была передо мной, барахтаясь в море таких же беспомощных людей. Словно обезумевшие насекомые в банке, люди карабкались друг по другу.

– Нина! – крикнула она, ее лицо было в крови. Она была на боку, или это я была на боку.

Она подползла ко мне на четвереньках и велела встать. Над ней облаком осыпалась пыль.

– Быстрее! – кричала она. – Быстрее!

Звучала сирена, далекая и протяжная. Она выла и выла на одной ноте, едва различимая за криками.

Я карабкалась по упавшим балкам с тетей Фрэнсис, спотыкаясь об обломки полированного дерева. Я упала на тело мужчины с пробитой головой. В воздухе висел густой дым. Он смешивался с пылью, и было невозможно видеть что-либо перед собой.

Искусница-плотник пыталась убрать упавшие кирпичи с выхода, но она уже задыхалась, а камень двигался медленно, вяло. Другие присоединились к ней, поднимая руки и крича, пока камень не поддался. Они отскочили, расчищая путь. Поток искусников хлынул сквозь пролом. Земля продолжала дрожать. Удар за ударом сотрясали стены, потолки трескались. Огромные плиты штукатурки отрывались и падали сверху. Вестибюль был завален ими. Мраморные плитки поднимались и плясали на месте. Стены прогибались, весь каркас Школы зарычал в агонии, прежде чем рухнуть.

И я побежала.

Мне ни разу не пришло в голову попытаться остановить разрушение. Был только страх.

Я была молода.

Я не была тем оружием, которое они во мне видели.

Я схватила руку тети Фрэнсис. Я бросилась вперед по вестибюлю, к открытым дверям. Джентльмен стонал у стены, его голень была выгнута под неестественным углом, глаза расширены от шока. Я схватила его за локоть, но тетя Фрэнсис закричала мне в ухо и потащила меня дальше.

Я ничего не слышала за титаническим стоном, который нарастал и нарастал, пока стены рушились.

Я скатилась по парадным ступеням, тетя Фрэнсис толкала меня вперед.

Я почувствовала, как ее хватка ослабла, обернулась вовремя, чтобы увидеть, как раскинулись ее руки, как взметнулись черные волосы, когда на нее обрушились обломки, и я закричала.

А потом меня тоже поглотило, похоронило под мрамором и песчаником.



# Глава 14

## Нина



Под руинами Школы Искусников звуки умирали, не долетая до слуха. Пять веков истории обрушились на нас, превратив величественное здание в тюрьму, в душный склеп, выдавливающий воздух из легких.

Меня прижало намертво. Бревна, камень, штукатурка – неподъемная тяжесть сковала руку и ногу. Голова была вывернута, и единственное, что я видела, – это искореженные ступени лестницы, ведущей в никуда. Туда, где раньше был мой дом, а теперь дымилась лишь груда обломков.

Я оказалась в ловушке. В приступе слепого отчаяния я мысленно потянулась к земле подо мной, приказывая ей разойтись, прогнуться, выпустить меня. Но обломки лишь

плотнее осели, увлекая меня глубже в свое каменное чрево.

Не знаю, сколько я пролежала там, в этой земляной чаше, погребенная заживо. Достаточно, чтобы поверить в скорую смерть. И достаточно, чтобы подумать о тех, кто меня убил.

Повстанцы. Ремесленники. Союз Шахтеров. Для меня они слились в единую безликую, ненавистную массу.

«Что они могут сделать против тех, кто обладает нашими способностями?» – когда-то эти слова тети Фрэнсис звучали как насмешка над слабыми. Теперь они обернулись эпитафией. Страшным прозрением.

Вот что они могли сделать. Вот какой урон нанести.

Уши заложило, поэтому скрежета камня я не услышала. Я лишь почувствовала, как невыносимый груз исчез и на смену давлению пришла ослепительная вспышка боли.

Я вскрикнула:

– Нина! – Голос был хриплым, сорванным, полным пыли и страха. – Слава Богу. Слава Богу.

Тео.

Его руки подхватили меня под плечи и колени. Он прижал меня к себе, и я закричала снова, инстинктивно прижимая искалеченную руку к груди.

Я с удивлением обнаружила, что небо все еще существует – серое, тяжелое, затянутое дымом, но все же небо. Воздух разрывали крики, становясь оглушительными, стоило мне оторвать ухо от плеча Тео.

– Ты ранена?

«Я уничтожена», – подумала я.

– Рука.

– Ты истекаешь кровью.

Я это чувствовала. Теплая вязкая струйка бежала от челюсти к ключице. Кровь из пореза на щеке смешивалась с пылью. Мне казалось, рука превратилась в крошево. Я снова спрятала лицо у него на груди, надеясь, что он просто забереет меня.

«Унеси меня, – молила я про себя. – Унеси куда угодно, только прочь отсюда».

Голова кружилась до тошноты. Я хотела домой. В Скарри. В безопасность, которой больше не существовало.

– Можешь стоять?

Он не стал ждать ответа. Осторожно опустил мои ноги на землю, и я тут же осела, рухнув на теплые, усыпанные крошкой булыжники.

– Тише, тише! – Тео поддержал меня, не давая упасть окончательно. – Просто посиди. Дыши.

Я яростно моргала, пытаюсь согнать пелену с глаз, пока мозаика разрушения не сложилась в единую чудовищную картину.

Школа перестала существовать. Крыша рухнула внутрь, и теперь огонь жадно лизал остатки бывшего величия, перескакивая с балки на балку. Искусники были повсюду. Окровавленные, перепачканные сажей, плачущие. Они голыми руками разгребали завалы, пытались добраться до тех, кто остался

внизу. Раненые каменщики из последних сил сдвигали плиты.

– Тетя Фрэнсис... – прохрипела я.

– Ты не можешь ей помочь. – Голос Тео надломился. Он наклонился, заслоняя мне обзор, словно пытаюсь спрятать от меня смерть. – Мне жаль, Нина. Я пытался вытащить ее, но... – Слова застряли у него в горле. – Ее больше нет.

Я знала. Я хотела сказать: «Тетя Фрэнсис мертва», чтобы сделать это фактом, принять, но губы дрожали, а грудь ходила ходуном, не выпуская воздух.

– Нам нужно уходить. В безопасное место. Союз может ударить снова. – В голосе Тео зазвенела паника.

Меня пронзил ледяной, отрезвляющий ужас.

– Мы пойдем в Палату Лордов. – Тео сжал мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. Взгляд его был безумным и умоляющим. – Отец поможет нам. Поможет тебе, Нина. Ты слышишь меня? Нина!

Палата Лордов. Те самые люди, которые собирались спрятать меня, запереть, как дорогое оружие в арсенале, до тех пор, пока не придет время пустить его в ход. Те самые лорды, которые велели нам оставаться на месте, игнорировать угрозы, принеся нас в жертву своему высокомерию.

«Я был бы глупцом, если бы не держал порох сухим».

– Нужно спешить, – твердил Тео, затравленно озираясь по сторонам. – Уходим. Сейчас же.

В Палату Лордов. К лорду Таннеру. Чтобы стать тем ору-

жем, которым они хотели нас видеть.

«Чародейка земли – весьма ценный актив. Вы бы сделали все необходимое, не так ли?»

«У тебя своя голова на плечах, – вспомнила я слова мальчика с пронзительно-голубыми глазами. – Не позволяй этим ублюдкам забрать ее».

– Давай. – Тео потянул меня вверх. – Я понесу тебя.

– Нет. Стой.

– Отец знает, что делать...

– Я не могу. – Я мотнула головой, и мир вокруг качнулся, угрожая перевернуться. – Я не пойду.

Пауза. Тишина посреди хаоса.

– Что?

– Я не пойду в Палату. Я...

Вокруг кричали люди, звали на помощь, оплакивали мертвых.

«Вот что значит хоронить людей заживо», – подумала я.

А потом пришла другая мысль, страшная в своей ясности: «Вот о чем они тебя попросят. Похоронить Союз в ответ. Похоронить ремесленников. Похоронить Грань».

Я не могла. Господи, я не могла стать их палачом.

– Нам надо бежать.

У Тео отвисла челюсть. Я смотрела на ссадину на его подбородке, на струйку крови на шее, и сердце разрывалось.

– Беги со мной, – сказала я, вкладывая в эти слова всю свою волю. Я вцепилась здоровой рукой в лацкан его пиджа-

ка. – Мы уедем из города. Мы можем поехать куда угодно.

Но на лице Тео отразилось лишь непонимание, смешанное с ужасом.

– О чем ты говоришь?

– Пожалуйста, – взмолилась я. Мне снова было двенадцать. И тринадцать, и пятнадцать. Я была просто девочкой, которая хотела рисовать, танцевать и узнать, есть ли в жизни что-то, кроме грязи и боли. – Пожалуйста. Пойдем со мной.

Его руки бессильно опустились. Непонимание сменилось тревогой.

– Ты не соображаешь, что говоришь, – сказал он. – Это шок. Союз Шахтеров... если они найдут тебя, они тебя убьют. Палата Лордов защитит нас.

«Но они не защитили! – хотелось крикнуть мне. – Посмотри вокруг!»

– Эти гребаные ремесленники получают по заслугам, – процедил он сквозь зубы, и я увидела в нем незнакомую жестокость. Его челюсть дрожала от сдерживаемой ярости. Он оглядел руины, и из груди вырвался сдавленный всхлип.

– Мы можем помочь, – кивнул он, убеждая самого себя. – Мы должны помочь, Нина. Мы можем дать отпор. Мы нужны Палате.

Тео обхватил мое лицо ладонями. Боль прострелила шею, но я не отстранилась.

– Ты самая сильная из искусников, Нина Кларк. Ты можешь похоронить этих ублюдков.

И в этот миг я ясно увидела, как мир раскололся надвое. Он стоял на одной стороне, готовый к войне. А я осталась посередине, потерянная, не желающая быть ни жертвой, ни убийцей.

– Тетя Фрэнсис, – сказала я. Ложь далась мне на удивление легко, хотя слова срывались с губ с трудом. – Мне нужно ее увидеть. Мне нужно убедиться.

– Они уже начали убирать тела...

– Пожалуйста, Тео! – крикнула я, и голос мой сорвался на визг. – Дай мне увидеть ее в последний раз. А потом мы... мы пойдем в Палату, – солгала я, глядя ему в глаза. – Мы найдем твоего отца.

Я видела, как его решимость пошатнулась. Он любил меня. И он уступил.

– Жди здесь, – велел он.

Он вытер кровь с моей щеки манжетой, бросил на меня последний, полный боли взгляд и исчез в пыльном вихре.

Я смотрела ему вслед, запоминая силуэт, походку, разворот плеч.

А затем собрала остатки сил, оторвала себя от земли, превозмогая боль и головокружение.

И исчезла.

*Почетному директору Национальной Школы  
Искусников  
профессору Г. Дамли  
от Его Превосходительства*

*главы Национального Дома Искусников  
лорда Дж. Таннера*

*Профессор,*

*Прошу принять мои глубочайшие соболезнования в связи с чудовищным нападением на нашу Национальную Школу. С великой скорбью я ощутил дрожь земли семь ночей назад, и скорбь эта лишь усилилась, когда мне доложили о масштабах разрушений и числе невинных жертв.*

*Пишу вам в надежде принести хоть малейшее утешение в этот темный час.*

*Сегодня собирается Палата Лордов, дабы вынести приговор мятежникам, посмевающим нанести удар в самое сердце нашего великого государства. Война будет объявлена.*

*В свете грядущих событий вопрос о местонахождении чародейки земли приобретает первостепенную важность. Ее способности станут неоценимым ресурсом в предстоящие дни. Когда пыль осела, я лелеял надежду, что она уже предстала перед нами. Не заблуждайтесь, профессор: если она добровольно не отдаст себя в распоряжение государства, отступники непременно воспользуются преимуществом, которого лишимся мы.*

*Полагаю, мне не нужно объяснять вам последствия подобного исхода.*

*Пока я пишу эти строки, наша полиция ведет активные поиски. Если обнаружится лицо,*

*укрывающее мисс Кларк, его ждет суровейшая кара.*

*Это восстание вскоре станет лишь страницей истории. И когда Школа Искусников восстанет из руин, а величайшие умы вновь окажутся в вашем распоряжении, я знаю: ваше служение воссияет с новой силой.*

*Искренне ваш,*

*лорд Джеффри Таннер*



# Глава 15

## Нина



### «ТРАНШЕЙНАЯ ТРИБУНА»

## СЛУХИ: ПОСЛЕДНИЙ АЛХИМИК В РУКАХ МЯТЕЖНИКОВ?

После дерзкой попытки захвата Национального Дома Искусников на прошлой неделе группа мятежников-ремесленников была взята под стражу. Среди арестованных, как полагают, находится лидер так называемого Союза Шахтеров.

Граждане задаются вопросом: означает ли это конец конфликта? Достопочтенный лорд Таннер лично

заверил прессу, что инцидент исчерпан, а террористы обезврежены.

Однако в тених бродят иные слухи. Шепотки намекают, что вылазка мятежников не была столь уж бесплодной.

Вопреки успокаивающим речам лорда Таннера, источники, близкие к Дому, сообщают тревожную весть: последний ныне живущий алхимик, Домелиус Беккер, пропал без вести. Поговаривают, он находится в руках Союза.

Пока нация ждет от Палаты подтверждения ареста лидера бунтовщиков, Белавер страдает от оглушительной тишины.

Похоже, даже спустя пять лет затяжного конфликта у Палаты Лордов нет ни имен, ни отметок на картах. Союз Шахтеров остается таким же неуловимым призраком, как и прежде, а Армия Лордов сражается с противником, у которого нет лица.

Наш корреспондент вынужден предположить, что это молчание означает одно: враг все еще на свободе.

И если слухи о пропавшем алхимике правдивы, то Палате Лордов впору объявлять этот день самым темным в истории Белавера.

Я скомкала газету в плотный шар и швырнула ее в кучу мусора, к остальным. Этому выпуску было уже два года, и ветер гонял пожелтевшие листы по всей улице.

Типография, мимо которой я брела, смотрела на мир пустыми глазницами заколоченных окон. Наверное, это был

последний номер «Трибуны», прежде чем забастовки окончательно задушили производство. Но заголовок не отпускал, царапая память, пробирая холодком по спине.

Я поежилась, плотнее запахивая пальто. Подумала о тех тенях, с которыми безуспешно сражалась Армия Лордов, пытаюсь нащупать сердце восстания, которого не могла найти.

Как по мне, оставаться невидимкой в расколотовой стране было не так уж сложно. В конце концов, мне это удавалось семь лет.

Было легко сменить имя, когда вокруг столько смертей и люди так просто расстаются со своим прошлым. Довольно просто выжечь клеймо на руке каленым железом, превратив его в безобразный шрам, не вызывающий вопросов.

Существовала тысяча безымянных городков, в которых можно затеряться, перебраться в следующий, едва слышав звуки стрельбы, – а начиналась она всегда. Прятаться, как я усвоила, довольно просто. Перестрелка – отличное отвлечение внимания. Бегство пешком никого не удивляло. Воровство стало нормой выживания. Отчаяние – привычным фоном. Одинокие женщины на дорогах – обыденностью.

Со стороны я уж точно не выглядела как единственная в мире чародейка земли. Я выглядела как тысячи других беженок, спасающихся от войны, в которой мы были лишь сопутствующим ущербом.

Сначала я побежала к дому тети Фрэнсис. Сбила ноги в

кровь, пока добралась. Ждала недолго, теща себя безумной надеждой, что она сейчас войдет в дверь, скажет мне, что делать, выдумает новую личность, как тогда, в детстве, и отправит спать.

Но никто не пришел. Прежде чем за мной явились, я сунула сломанную руку в один из ее плащей, выскользнула через черный ход и растворилась в ночи.

Я не буду принадлежать Дому. Не могу принадлежать Союзу. Оставалось только одно – прятаться посередине, в серой зоне.

Я пыталась добраться до Соммерленда на поезде, но на полпути его пустили под откос динамитом. Второй взрыв за два дня. Тогда я поняла: мир в огне.

Вскоре я обнаружила, что есть вещи страшнее бомб и ружей. Соммерленд кишел полицейскими. Как и Бэймут, и Трент, и Лавноншир. Пехота Ремесленников, присягнувших на верность Дому Искусников за обещание наград и страх наказания, прочесывала каждый угол.

Они вглядывались в мое лицо, когда я проходила мимо, сканировали черты, гадая, не та ли я самая – пропавшая Нина Кларк. Я представляла, как того, кто притащит меня живой, осыплют золотом и повышениями.

Не прошло и месяца, как на витринах появились ориентировки: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ ПО ПРИКАЗУ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОМА ИСКУСНИКОВ». Сходство было, к несчастью, пугающим. Интересно, какой писарь это нарисовал?

Может, кто-то из тех, с кем я сидела за одной партой?

Впрочем, я была не единственной. Столбы пестрели портретами и других искусников – дезертиров, покинувших посты, отказавшихся выбирать сторону или сочувствующих мятежу. Террористы – так их назвал Дом.

Плакатов было так много, что люди перестали их замечать. Мое лицо затерялось в этом бумажном море.

Я работала как ремесленник где могла. Шила униформу на фабрике в Дорсере для командования искусников, сортировала посылки в Данниче до забастовки, расписывала дешевый фарфор в лавчонке в Хессоне. Когда поезда выплевывали очередную волну пехоты, я исчезала. К тому моменту, как чей-то палец указывал в мою сторону, след мой уже успевал простыть.

Я научилась наблюдать, слушать, ловить тот самый опасный блеск узнавания в чужих глазах. Я не задерживалась надолго, чтобы слухи не успели сплести сеть вокруг меня.

И все же они меня поймали.

Должно быть, дело шло к моему дню рождения. Именно это отвлекло меня, когда я брела по темной улице в Гилморе – не городе даже, а грязном промышленном придатке прямо за стенами Белавер-Сити, теперь полузаброшенном.

Я поморщилась, чувствуя, как липкая грязь хлюпает в ботинках с каждым шагом, и на миг представила, как убираю ее одним усилием воли. Но с последнего приема идиума прошли годы. Годы с тех пор, как я уничтожила клеймо – мой

пропуск в аптеку.

Теперь я не могла сдвинуть и пылинки.

Перед выпуском я была сильной, талантливой. Я могла повернуть русло реки или вырыть траншею в милю длиной за пару ударов сердца. Теперь я просто счищала грязь с подошв палкой.

Я плотнее закуталась в пальто. Точной даты я не знала, но воздух пах сентябрем. В эти дни, или, может, уже в прошедшие, мне должно было исполниться двадцать пять.

Я чувствовала себя одновременно невероятно старой и совсем юной. Слишком молодой, чтобы видеть столько ужаса и величия: ветви деревьев, искусно сплетенные, чтобы укрыть двор; безлошадный экипаж, катящийся по переулку; горящие консервные заводы с запертыми внутри рабочими; стеклянного воробья в полете; человека, выдергивающего чеку из гранаты; женщин, что тащили кричащих детей на переполненные лодки; многовековую архитектуру и тысячи пустых запавших глаз в очередях на поезд.

И слишком старой, изможденной.

Я так устала, что остановилась посреди улицы под мигающим фонарем и поймала себя на мысли: «Господи, сделай так, чтобы я не дожила до двадцати шести».

И, словно в ответ на мою молитву, ночь погасла.

Грубый мешок накрыл голову. Чьи-то руки схватили меня поперек туловища, ноги оторвались от земли. Я инстинктивно забрыкалась, пытаюсь вырваться.

Резкий удар, и тошнотворная жидкая боль разлилась по черепу.

«Милосердие», – успела подумать я, проваливаясь в темноту. Для такой трусихи, как я, умеющей только бежать, прятаться и молиться, это было милосердием.

Семь лет я ускользала от них всех. Теперь одна из сторон меня настигла.

Я очнулась от качки, тяжелого дыхания над ухом и отборной ругани. Тот, на чьей спине я висела кулем, держал мои запястья под болезненным углом. Я боялась, что кости рук вот-вот треснут.

– Господи всемогущий, ну и тяжелая же она!

– Она вдвое меньше тебя, Скотти.

– Ага, только она мокрая насквозь и висит как дохлая.

Стон боли, должно быть, вырвался сквозь стиснутые зубы, потому что качка прекратилась. Шаги затихли. Мешковину, закрывавшую лицо, слегка приподняли.

Яркий свет фонаря ударил по глазам, ослепляя.

– Утречко, фифа, – произнес незнакомый голос. Лица за светом я не видела.

Мешок снова опустили. Меня бесцеремонно сбросили, и я плюхнулась задом в ледяную воду.

– У меня спина отваливается, мать ее, – простонал Скотти. – А от тебя только нытье и слышно.

Парочка препиралась, но я почти не слушала. Тело кололо тысячами игл там, где вода пропитала брюки и блузку. Боль

пульсировала за глазами так, словно они готовы были вылезти из орбит. Запястья горели огнем, натертые веревками.

Веревка. Ощущение знакомое. Как и запах – сырой, тяжелый дух земли. Воздух был густым, насыщенным им. И где-то рядом пела канарейка.

Пока мужчины спорили, я, морщась от боли, подняла связанные руки и стянула мешок с головы.

Слабый свет фонаря выхватывал из тьмы гниющие деревянные рамы. С низкого потолка мерно капала вода.

«Туннели», – поняла я, и к горлу подступила тошнота.

– Уже без четверти, Скотти. Он велел вернуться к полудню!

– Да я только говорю: давай передохнем минуту, прежде чем идти дальше. Может, пропустим по маленькой, а?

В тишине раздалось бульканье жидкости в бутылке.

– Сделаешь хоть глоток, и я запою, как эта гребаная птичка.

– Ладно, Отто. Ладно. Остынь.

Я попыталась сесть, и новый стон боли вырвался сам собой. Слепящий свет фонаря тут же метнулся ко мне.

– Эй! Надень ей мешок обратно!

Темная жижа брызнула в лицо, когда один из них тяжело подошел ближе. Я успела их разглядеть: один – гора мышц, другой – жилистый и юркий. Оба покрыты грязью так, что черты лица стерлись, видны были только белки глаз.

Призраки. Ремесленники. Шахтеры из моего детства.

Здоровяк Скотти наклонился ко мне:

– Ну как ты там, краля?

Я собрала слюну и плюнула на его ботинок.

Он хмыкнул и грубо натянул мешок мне на глаза, снова погружая мир во тьму.

– Не слишком-то вежливая, а? Вроде ж из благородных? – хохотнул Отто.

– Вставай, принцесса, – крикнул Скотти, рывком вздергивая меня на ноги за грудки.

Я услышала треск отрывающихся пуговиц пальто. Рука инстинктивно царапнула по чему-то твердому и влажному – стене туннеля.

– Иди давай. Смотри под ноги.

Я уперлась, отказываясь подчиняться. Меня била крупная дрожь, зубы выстукивали дробь.

– Шевелись, краля. – Голос Отто стал жестким, лишенным всякого сочувствия. – Выбора у тебя особо нет.

Сухой металлический щелчок взводимого курка прозвучал громче любого крика. К моему затылку прижалась холодная сталь дула.

– Никакой туннель не убьет таких, как ты, верно?

«Если бы», – подумала я.

– Подумать только, чародейка земли боится подземелья, – пробормотал Скотти с сомнением. – Слышь, Отто... может, мы взяли не ту?

– Не. Я долго за ней следил. Копия девки с тех плакатов.

Смотри, она выжгла клеймо, видишь шрам?

– Не знаю... Вдруг все зря, если она не может...

– Заткнись, Скотти. Шагай.

Мы шли бесконечно долго. Я ссутулилась, вжав голову в плечи, ожидая удара о низкие балки. Холод пробирал до костей, просачиваясь сквозь мокрую одежду. Ледяная вода капала за шиворот, под ногами хлюпала вязкая жижа. Стены время от времени издавали глухие, утробные стоны – земляной монстр ворочался во сне, пока мы ползли по его венам.

Скотти и Отто болтали так, словно прогуливались по парку, а не находились под толщей земли, готовой нас раздавить в любой миг.

Я дышала через раз, считая шаги, чтобы не сойти с ума. Сердце билось где-то в горле, перекрывая кислород.

Что ждет меня в конце туннеля? Попытки? Смерть?

«Лучше уж Союз Шахтеров, чем Таннер, – твердила я себе как молитву, пытаюсь унять дрожь. – Просто делай, что говорят».

Я игнорировала землю, что забивалась в ноздри, скрипела на зубах, залепляла глаза.

– Мне просто не понравилось, как она на него смотрела, – бубнил Отто. Северный говор, звонкий мальчишеский голос, в котором сквозила обида.

– Ну, вы же еще не поженились, верно? Девка может смотреть на кого хочет.

– Она меня поцеловала. Зачем ей пялиться на хренова

Хэнка Шоули, если она целует меня?

– Может, ей надоело ждать, пока у тебя вырастут волосы на яйцах и ты постучишься в ее дверь?

– Я выбираю момент.

– Она тебя поцеловала, Отто! Месяц назад. Какой тебе еще нужен момент?

– У меня есть план.

– Да? Этот план включает Хэнка между ног твоей зазнобы?

– Заткнись.

– Поверь мне, пацан. Не спеши с этим. День, когда я женился, был моим последним спокойным днем.

– Ха, ты начинаешь говорить так же, как босс.

Я наострила уши, ловя каждое слово.

– Тебе не помешало бы стать немного более похожим на него.

– Да? Одиноким и злым?

В памяти всплыл образ моего отца – одутловатое лицо, налитые кровью глаза, вечная злоба на весь мир.

– Не, – хмыкнул Скотти. – Босс не одинок, ему просто баба не нужна. По крайней мере, дольше чем на ночь.

Отто хохотнул.

– Нельзя винить парня. Желающих-то полно.

К счастью, путь наконец пошел на подъем. Воды под ногами стало меньше. Я споткнулась о корень или камень, и рука Скотти грубо вернула меня в вертикальное положение:

– Полегче, принцесса.

Я вырвалась, дернув плечом:

– Убери лапы.

– О! Она разговаривает! Слышал, Отто?

– Хорошо. Через пару минут ей придется много говорить.

Пара минут. Всего пара минут отделяла меня от того, кто заказал это похищение.

Тяжелая рука надавила мне на макушку.

– Пригнись. Поднимаемся.

Я не успела вовремя последовать его совету, и голова чиркнула по деревянной балке. Я врезалась в спину Отто.

Заскрежетало железо, натужно зазвенели цепи. Пол под ногами дрогнул и пополз вверх. Дерево стонало, колеса скрипели где-то в вышине. Мы поднимались из преисподней.

Когда движение прекратилось, тычок в спину вытолкнул меня наружу.

– Выходи, – скомандовал Отто.

Под ногами была сухая, твердая земля. Свет, пробивавшийся сквозь плетение мешковины, стал ярче, резанул по глазам даже через ткань.

А потом голос окликнул нас спереди. Голос, от которого внутри все перевернулось и оборвалось.

– Утречко, парни, – произнес он. – Вы опоздали.

Сильный северный акцент. Глубокий, тягучий, как паточка, и дымный, как торфяной пожар. Голос, который проникал под кожу.

– Ну так Скотти вырубил ее наглухо, пришлось тащить почти всю дорогу, – затараторил Отто, оправдываясь.

– Откуда мне было знать, что она такая хлипкая? – буркнул Скотти. – Искусница же. Они все нежные, мрут как мухи.

– Снимите повязку. Развяжите руки.

Тон был таким спокойным и властным, что спорить с приказом никто не стал. Веревка упала с запястий, мешок сдержнули с головы.

Я жадно вдохнула воздух. Он все еще пах землей, но теперь в нем был кислород.

Я часто заморгала, привыкая к свету, лившемуся из проема в конце короткого земляного коридора.

Мы все еще были под землей, но выход был рядом. Грубые деревянные ступени вели на поверхность, и на нижних перекладинах сидел мужчина.

В тяжелых черных рабочих ботинках, в поношенном коричневом пальто, он выглядел мрачным изваянием. Он был моложе, чем я ожидала, и... красивее. Резкие скулы, волевой подбородок, темные волнистые волосы, касающиеся воротника. На груди поблескивала цепочка карманных часов.

Он неторопливо достал из внутреннего кармана жестяную зажигалку, чиркнул кремнем и прикурил сигарету, небрежно зажатую в углу рта.

– Здравствуйте, мисс Кларк, – произнес он, растягивая слова, словно каждое давалось ему с трудом, и посмотрел на меня.

Взгляд его прошелся по моим грязным ногам, талии, разорванной блузке, шее, и наконец я увидела его глаза.

Пронзительно-голубые, кристальные.

Меня словно током ударило. Память бритвой полоснула по сердцу, вскрывая старые шрамы.

– Я искал вас, – сказал он.

Повисла тишина. Тяжелая, звенящая, полная невысказанных слов.

– Она точно та самая, босс, – встрял Отто, нарушая молчание. – Мы долго пасли.

– Вы чародейка земли? – спросил мужчина.

Хотя вопрос был риторическим – он знал. Казалось, он видел меня насквозь.

Я стояла, приоткрыв рот, не в силах выдавить ни звука. Он ухмыльнулся – коротко, хищно. Я отвела глаза, чувствуя, как горят щеки, и откашлялась.

Лгать не было смысла. Я кивнула.

Кусочки головоломки складывались в голове со щелчком взводимого затвора.

– Нина Кларк, – произнес он, пробуя имя на вкус. Еще одна затяжка. Дым вился вокруг его лица, скрывая выражение глаз. – Вы знаете, кто я?

Я знала. Но видела перед собой не лидера повстанцев, а двенадцатилетнего мальчишку с грязными волосами и затянутым до отказа ремнем, который когда-то танцевал джигу, чтобы меня рассмешить.

«Только не он, – молила я про себя. – Пожалуйста, кто угодно, только не он».

– Я Патрик Колсон, – сказал он, и прошлое рухнуло, уступая место настоящему. Мужчина передо мной был чужаком, носящим знакомое имя.

Он встал. Высокий. Очень высокий, его макушка почти касались земляного потолка. Брови стали гуще, темнее, взгляд – жестче.

– Добро пожаловать в Кентон-Хилл.

Я огляделась, словно стены могли рухнуть и открыть вид на город, но был только он.

Темные ресницы обрамляли эти глаза, и они поразили меня так же, как и во дворе тринадцать лет назад. Я понимала, что он был красив мальчишкой, но мужчиной он стал просто ошеломляющим.

Впрочем, кое-чего теперь не хватало. Той легкости, блеска озорства. Их место заняла мрачная решимость, тень, залегшая в складках у рта.

Было неясно, узнал ли он меня. Он только смотрел. Задерживался ли он на чертах моего лица, вспоминая, как и я? Или видел лишь инструмент для своих целей?

Сердце екнуло и пропустило удар.

– Она не особо разговорчива, – предположил Скотти, вытирая лоб грязным рукавом.

– Хм, – мрачно промычал Патрик. – Возможно, вы выбрали из нее дух.

При этих словах его глаза обратились на Скотти, холодные и полные укора.

– Я велел вам действовать аккуратно.

Скотти, гигант, казалось, способный свернуть гору, выглядел пристыженным, как нашкодивший школьник.

– Да, – буркнул он. – Нервы сдали. Прошу прощения, мисс. – Он легонько, но неуклюже похлопал меня по спине.

Я вскинула брови.

– Примите и мои извинения, – произнес Патрик. (Я снова почувствовала себя безоружной под тяжестью его взгляда.) – Это я отдал приказ доставить вас сюда. Меры предосторожности, – он кивнул на мешок и веревку в руках Скотти, – были необходимы. По крайней мере, пока мы не узнаем друг друга получше.

Смех – злой, истеричный – заклокотал в горле. Я стояла перед ними в грязи, в растерзанной блузке, едва прикрывающей тело. Ноги дрожали от напряжения, на затылке наливалась горячей болью шишка. И после всего этого они рассыпаются в извинениях?

Зубы выбивали дробь от холода.

– Я знаю достаточно.

Усталость притупила страх, уступив место безрассудству. Если Патрик Колсон не узнал меня, разумнее было бы молчать. Но слова уже жгли язык.

Он кивнул, бросил окурок под ноги и вдавил его в землю каблуком.

– И что же вам известно?

Его голос, казалось, резонировал где-то у меня в груди.

– Что вы – животные. Преступники, которые готовы взорвать все к хренам.

Это была привычная ложь, которой кормили нас газеты, – удобная «правда» о Союзе Шахтеров. Хотя для меня разницы не было: и искусники, и ремесленники, взявшие в руки оружие, были одинаковыми зверьми.

Я вздернула подбородок, стараясь выглядеть выше.

– Я знаю, что у тощего молоко на губах не обсохло. – Я чеканила слова с безупречным столичным выговором. – Знаю, что здоровяк не любит свою жену. И знаю, что вы, Патрик, одиноки и злы. Так говорят ваши люди.

Я выдержала паузу, давая ему время оценить удар. На губах Патрика мелькнула тень усмешки.

– И еще я знаю, что вы не идиот. Вы бы не стали похищать чародейку, не понимая, какой угрозе подвергаете свой город. Так, может, скажете прямо, мистер Колсон: чего вы хотите? И что вы готовы предложить мне взамен за то, что я не похороню нас здесь заживо прямо сейчас?

Тишина. Лишь уголок рта Патрика дрогнул в полуулыбке.

Скотти и Отто переминались с ноги на ногу, бросая тревожные взгляды на земляной свод. Кажется, до них только сейчас дошло, кого они притащили в свое логово.

– Да брось, Пэтти, она просто цену себе набивает, – неуверенно проворчал Скотти. – Видел бы ты, как она тряслась в

туннеле. Едва на ногах держалась...

– Ты знаешь, чему учат детей в Школе Искусников, Скотти? – лениво спросил Патрик, доставая новую сигарету.

Здоровяк замялся.

– Ну... рисовать там. Стишки писать. Петь складно.

– А еще их учат играть. – Патрик зажал сигарету в зубах. – Притворяться.

Чиркнула зажигалка, выхватив из полумрака его лицо, и снова спрятала в тени. Он поигрывал крышкой, щелкая ею, но взгляд его был прикован ко мне.

– Она не боится туннелей, парни.

Скотти поперхнулся воздухом. Он уставился на меня с новым выражением – смесью страха и уважения.

– Но она же хныкала...

– Она играла, – отрезал Патрик. В его глазах читалось холодное любопытство. – Надеялась, что вы решите, будто она пустышка, а не чародейка.

Он смотрел так, словно ждал, что я стану отпираться. Я лишь пожала плечами. Он был прав лишь отчасти: я действительно надеялась их обмануть, но страх был настоящим. Если бы этот проклятый потолок рухнул, вся моя магия не стоила бы и ломаного гроша. Но Патрику об этом знать не обязательно.

– У нее с собой нет идиума, парни, – добавил Патрик, и в его голосе послышалось веселье. – Давно не принимала, готов поспорить.

Высокомерный, самодовольный ублюдок.

– С идиумом нынче туго, мистер Колсон. Болтают, что у Союза есть свой алхимик, прикованный к стене в каком-нибудь сыром подвале.

Скотти смачно сплюнул, изображая праведный гнев, а Отто так потрянул клеткой, что бедная канарейка чуть не свалилась с жердочки.

– Брешут, – буркнул он. – Это вы, искусники, воры, все до единого.

Улыбка Патрика не дрогнула.

– Я никогда не верил слухам.

Я выдохнула, чувствуя, как силы покидают меня.

– И вы хотите, чтобы я поверила, будто вы – комитет по встрече?

Патрик выпустил струйку дыма. В тишине подземелья его присутствие заполняло все пространство, вытесняя воздух.

– Я искал вас, мисс Кларк, – протянул он. – Я и, кажется, половина континента.

Я расправила плечи, пытаюсь унять дрожь в коленях.

– Что ж, вот она я.

– Вот она вы.

В его тоне прозвучало что-то странное. Удивление? Или разочарование?

– И как удачно, что первым вас нашел именно я. Представляю, на какой срок вы уже наработали. В наши дни дезертиров вешают рядом с повстанцами.

Я прищурилась.

– Это ваша сделка? – спросила я. – «Делай, как я говорю, или сдам тебя Палате Лордов»?

Он пропустил мой выпад мимо ушей.

– Я пришел к выводу, что вы так долго сохраняли нейтралитет лишь потому, что в вас осталось сочувствие. К ремесленникам. К Союзу Шахтеров.

– К террористам? – ядовито переспросила я. – Нет, сэр. Мое сочувствие – к обычным людям, которые не просили втягивать их в вашу войну.

– Хм. – Этот звук, низкий и вибрирующий, отозвался у меня в животе. – Значит, придется вас переубедить. Дать шанс искупить вину.

Мне захотелось рассмеяться ему в лицо. Как можно искупить море пролитой крови?

– Чего вы от меня хотите?

Он помедлил, подбирая слова, словно камни для мостовой.

– Партнерства.

– А если я откажусь?

– Через полчаса из Кентон-Хилла уходит поезд, – легко ответил он, стряхивая пепел. – Я лично провожу вас на станцию.

– И привяжешь к рельсам, надо полагать.

Мужчины за его спиной загоготали. Бровь Патрика удивленно поползла вверх.

– Вы принимаете нас за бандитов, мисс?

Я принимала. Это читалось в его расслабленной позе, в очертаниях пистолета под пальто, в жестоких ухмылках его подручных.

– Я принимаю вас за убийц, – холодно отчеканила я.

Он понимающе кивнул, затушил сигарету.

– Не всем повезло родиться дочерьми аристократов.

Затем его глаза снова встретились с моими, и в них мелькнул тот самый полузабытый огонек беды. Мы снова были детьми, замышляющими кражу булочек.

«Он не знает, кто ты», – напомнила я себе, пытаюсь унять бешеный стук сердца.

– Если вам не по пути с таким партнером, как я, вы вольны идти своей дорогой, мисс. Можете вернуться в трущобы, лгать, воровать и ждать, когда ищейки Таннера возьмут след.

Я не стала спорить. Это была правда. Моя жизнь превратилась в бесконечный бег из одного голодного дня в другой.

– Или вы согласитесь. И через несколько месяцев, когда мы закончим, я обеспечу вам безопасный проход с этого континента.

Я замерла. Сердце пропустило удар, а потом забилось с удвоенной силой.

– А, вижу. – Его взгляд скользнул по моему лицу, замечая малейшую перемену. – Есть все-таки кое-что, чего вы хотите. Билет в один конец. На большом корабле, идущем куда угодно, только подальше отсюда. На острова, где нет идиу-

ма, нет войны и никто слыхом не слыхивал о великой Нине Кларк.

Я прищурилась, ища подвох.

– Как давно ваши люди следят за мной?

Отто самодовольно ухмыльнулся.

– Достаточно, чтобы знать вашу слабость к портам и га-ваням. Видел я, как вы пытались подкупить капитана того сухогруза.

Меня передернуло. Мысль о том, что за мной следили, что я была под колпаком все это время, была невыносима. Я оказалась не так умна, как думала.

– Но корабли стоят на якоре, – вставил Отто. – Таннер перекрыл все выходы, так?

Я подумала, что нет на свете такой низости, на которую не пошла бы загнанная в угол женщина ради свободы.

– Старо как мир, – мрачно сказала я. – Мужчины вечно думают, что лучший способ выиграть войну – взять в заложники женщину.

Патрик покачал головой:

– Вы меня неправильно поняли. Вы не заложница. Станьте моим партнером, и в конце весны я посажу вас на корабль, уходящий из Хоаклина.

Все внутри меня сжалось в тугий узел надежды и недоверия. Корабль. Прочь отсюда. Свобода. Но это было невозможно. Как верно заметил Отто, я обошла каждый порт, умоляла каждого рыбака. Никто не мог уйти. Тем более тот,

чьё лицо красуется на каждом столбе.

Канарейка в клетке тревожно пискнула. Я вздрогнула. Где-то наверху гулко ударил колокол.

Семь лет я бежала от этого выбора. От участия в битве, которая, похоже, не закончится никогда. Я не верила Патрику Колсону. Из Белавера не было выхода.

А что до побега... Если я сейчас выйду в Кентон-Хилле одна, меня схватят раньше, чем я доберусь до окраины.

– Что вы хотите, чтобы я сделала? – Это было не согласие, но и не отказ. Торг.

– Чтобы вы говорили, – ответил Патрик. – Мне нужна информация. То, что вы знаете о Доме.

– И?

– И мне нужен ваш опыт. В прокладке туннелей.

– Шахтер просит искусника копать землю? – Я недоверчиво покачала головой. – Куда ведут эти туннели?

– Это зависит от того, – его голос стал вкрадчивым, обволакивающим, – сколько вы мне расскажете. Так что, по рукам?

Он ждал. Отто и Скотти замерли. Даже птица затихла.

Я колебалась.

– Мне нужны гарантии. Нет кораблей, идущих из Белавера. Как вы меня вытащите?

– Есть один корабль. Он не останавливается в портах.

– Откуда вы знаете?

– Потому что он не зайдет в порт, – пояснил Патрик. – Это

судно везет груз, который я заказал в дальних странах. Оно бросит якорь всего на час, к востоку от Хоаклина, в конце июня. Вас доставят на борт лодкой.

Я прикусила язык и переступила с ноги на ногу. Хоаклин – рыбацкая деревушка. Там, несмотря на запреты, все еще выходили в море лодки. Если это правда... Если это мой шанс... Тогда все закончится. Конец войне. Конец бегству.

Я устала бежать.

– Я никого не убью.

– Я и не попрошу, – сказал он. В его голосе больше не было ни капли веселья.

– И я ничего не буду взрывать. – Перед глазами встало лицо тети Фрэнсис.

Он кивнул.

– Только туннели. Даю слово.

Я глубоко вздохнула, загоня дрожь внутрь, и посмотрела в глаза Патрику Колсону.

– Тогда найди мне место для ночлега и что-нибудь из одежды, – сказала я, обхватив себя руками. – И, может быть, выпить.

Мне показалось, напряжение чуть отпустило его плечи.

– После вас. – Он указал на лестницу за спиной.

Я поднималась, чувствуя спиной его взгляд. Нога соскользнула с железной перекладины, и сердце ухнуло в пятки, когда его рука мгновенно рефлекторно перехватила мою лодыжку, не давая упасть.

«Он не знает, кто ты».

Я выбралась на поверхность, в тепло и свет. Патрик поднялся следом.

– Добро пожаловать в Кентон-Хилл, – повторил он, отряхивая колени.

Мы стояли на вершине холма. Заходящее солнце плавило облака, отбрасывая длинные тени на склоны и далекий силуэт города.

– Надеюсь, ваши шикарные ножки осияют короткую прогулку.

Я оглянулась на темный зев шахты. Отто и Скотти не было видно.

– Они догонят, – ответил Патрик на мой невысказанный вопрос. Он сунул руки в карманы и зашагал прочь. – Идем.

– А что, если я нападу на вас, пока мы одни? – крикнула я ему в спину. – Разве таким мужчинам, как вы, не положена охрана?

Он издал короткий сухой смешок. Достал сигарету, прикурил и выпустил клуб дыма в вечернее небо.

– Ты не причинишь мне вреда, Нина Хэрроу, – сказал он не оборачиваясь. – Мы ведь слишком много знаем друг о друге. Не так ли?



# Глава 16

## Патрик



В глазах Нины вспыхнул дикий огонек – инстинкт затравленного зверя, готового сорваться на бег. Она все еще была натянутой струной, тело звенело от напряжения. Годы скитаний оставили на ней свой неизгладимый след.

– Ты почти не изменилась, – солгал Патрик легко и привычно. – Разве что вымокла до нитки. Странно, что ты не обрезала волосы. Разве это не первое правило для тех, кто скрывается?

Огонь в ее глазах погас мгновенно, выражение лица стало бесстрастным, как в двенадцать лет, когда она считала его полным идиотом. Взгляд ее метнулся на запад.

– Я бы туда не ходил, – лениво протянул он. – Холмы нашипигованы сюрпризами. Минные поля. Ты когда-нибудь видела, что противопехотная мина делает с человеком? – Он

надул щеки, изображая взрыв. – Зрелище не для слабонервных. Разлетается, как гнилой арбуз.

Нина посмотрела на него так, что стало ясно: она видела достаточно разорванных тел. Только война способна научить такому взгляду.

– Вы заминировали подступы к собственному городу? – В ее голосе сквозило отвращение.

– Война, дорогуша. Никогда не знаешь, какая тварь выползет из-за поворота.

Патрик указал туда, где железнодорожные пути, изгибаюсь, ныряли в холмы и растворялись в сумерках.

С этой высоты Кентон-Хилл казался игрушечным, едва различимым пятном, тонушим в наступающей ночи. Маленький. Невзрачный. Уязвимый.

Именно таким, должно быть, он и казался ей, чужачке.

Патрик снова повернулся к Нине:

– Идем?

– Когда ты понял, что я чародейка земли?

Она стояла неподвижно, не отводя взгляда, как делали другие. Ее пристальный взор ввинчивался глубоко и цеплялся намертво, и Патрик был этому даже рад – это давало ему право смотреть в ответ.

И он смотрел. Столько, сколько хотел.

Россыпь веснушек, уцелевших под слоем грязи. Больше никакой желтизны в локонах. Волосы поникли от влаги, но все еще вились тугими кольцами цвета чистого золота. Сжа-

тые кулаки. Ноги, что стали длинными и теперь сильно отвлекали. Она обрела формы, стала женщиной.

Но суть осталась прежней. Те же пронизательные глаза с ореховыми крапинками в густой тени ресниц. Губы, ставшие полнее, по-прежнему упрямо сжимались в ниточку, когда она хмурилась. И говорила она все так же, словно выплевывала пули, даже если теперь заворачивала их в шелк столичного выговора.

Патрик решил сказать правду.

– Я знал еще в день нашего Распределения.

И это была чистая правда. Как только по поезду поползли слухи, что была отобрана чародейка земли, он понял, что это она.

– Никто ни о чем другом не говорил в поезде домой – девчонка-ремесленница стала искусницей. – Он присвистнул. – Как мы оба знаем, такое случается крайне редко. Причем чародейка земли, не меньше.

Она выдохнула и снова посмотрела на городок внизу.

– И что сказали люди, когда ты все им выложил? Спорю, ты пел как канарейка, да?

Спорить было бессмысленно. Если ей так проще – пусть думает о нем так. Патрик ей позволит.

Он сунул руки в карманы.

– Мало кто воспринимает бредни двенадцатилетнего пацана всерьез.

Нина фыркнула, широко раскрыв глаза.

– Знаешь, первые дни в той Школе я не могла ни есть, ни спать. Тряслась от ужаса, что меня вычислят. Что кто-то проболтается. Но я почему-то никогда не боялась, что это будешь ты.

Господи, эти ее ореховые глаза пробирали до костей.

– Я доверяла тебе безоговорочно. – Ее плечи чуть опустились. – Наивно с моей стороны, правда?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.